Олег Рой

ОДНО ЧУДЕСНОЕ ПАРИ

Олег Рой

Одно чудесное пари

«Олег Рой»
2014

Рой О. Ю.

Одно чудесное пари / О. Ю. Рой — «Олег Рой», 2014

ISBN 978-5-699-70178-0

Прекрасной Маргарите во что бы то ни стало нужно вернуть былое расположение отца. Ради этого она соглашается на пари – полгода проработать на стройке по своей специальности «дизайн жилых помещений». Но московская стройка – это не лондонское дизайн-бюро! И первое столкновение с прорабом выбивает почву из-под ног капризной красотки. «Бежать отсюда!» – главная мысль Маргариты. «Беги отсюда!» – главное пожелание строителей. Но обещание отцу дано, и как-то совсем не хочется в который раз убеждать родителя в своей абсолютной жизненной непригодности!

ISBN 978-5-699-70178-0

© Рой О. Ю., 2014
© Олег Рой, 2014

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 12
Глава третья 19
Глава четвертая 25
Глава пятая 31
Глава шестая 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Олег Рой
Одно чудесное пари

© Резепкин О., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая
Будни «БилдСтроя»

Главный девиз двадцать первого века состоит всего из трех слов. И звучит он так: НЕРВЫ НАДО БЕРЕЧЬ. В наше бешеное стремительное время без устойчивой нервной системы вообще никуда. Примерно так же, как без мобильного телефона и Интернета. Будешь принимать близко к сердцу все, что происходит вокруг, станешь сильно переживать даже из-за значимых вещей, не говоря уже о пустяках – гарантированно сломаешься. Просто не выдержишь, сойдешь с дистанции, не доберешься до победного финиша.

Разных методик и техник для восстановления душевной гармонии и сохранения психологического равновесия за всю историю человечества было придумано очень много, причем одна авторитетнее другой, но Михаил Викторович Еремин, солидный человек, глава строительной компании «БилдСтрой», для укрепления своей нервной системы прибегал к весьма нехитрым практикам. По его глубокому убеждению, они действовали ничуть не хуже модных еще во времена его молодости упражнений аутотренинга, мудреных восточных медитаций, которыми все так увлекаются в наши дни, и прочих заковыристых штучек. «Метод Еремина» заключался всего лишь в том, что несколько раз в день он напоминал сам себе какую-нибудь простую, но вечную житейскую истину. Например: «Не зацикливайся на проблемах и увидишь, что вокруг полно куда более интересных вещей».

Взять те же автомобильные пробки. Жуткие заторы на шоссе, машины, ползущие с черепашьей скоростью, невыносимо долгое ожидание и непомерно растягивающееся время дороги, когда на путь, который в нормальных условиях можно проделать минут за пятнадцать, нужно потратить часы… Однако и то, что пробки тебя жутко бесят, и то, что из-за них ты теряешь время и нервы, всюду опаздываешь и ничего не успеваешь, – все это дело второе. А первое дело заключается в том, что от них в Москве все равно никуда не деться. Как от холодного ноябрьского дождя, жгучего январского мороза или июльского невыносимого асфальтового зноя. А значит – нечего без толку кипятиться, поминутно смотреть на часы, проклинать перегруженные узкие улицы, нерасторопных дэпээсников и наглых водителей, норовящих подрезать тебя при каждом удобном и неудобном случае. Надо взять себя в руки, спокойно отрешиться от всего внешнего и обратить данное досадное обстоятельство себе во благо. Ведь только ты можешь построить своими руками то, что не под силу даже спроектировать кому-то другому.

Так что Михаил Викторович всегда стремился извлечь максимальную пользу из тех тягостных минут, что выпадали ему на долю, когда он вяло двигался в своей машине по улицам столицы. Ну как бы он еще выкроил время в своем непростом графике, чтобы просмотреть новости в Интернете, позвонить туда и сюда, поторопить подрядчиков и поставщиков, просмотреть текущие документы, набросать планы на следующий квартал? А тут, коли уж застрял в непробиваемой пробке – сиди и работай себе на нетбуке. Или сделай еще массу полезных дел. Например, закажи цветы для жены Ирины – так сказать, «упреждающий букет». Вечером у Еремина намечалась встреча в ресторане. Закончится она наверняка поздно, и он вернется домой навеселе. Так что лучше подстраховаться, принять, как говорит его юрисконсульт, превентивные меры. Именно так Михаил и поступил. Набрал номер цветочного магазина, договорился с милой девушкой о букете, после чего нажал кнопку отбоя и обратился к водителю:

– Какие прогнозы? Долго нам еще ехать?

– К утру точно доберемся, Михал Викторович! – попытался сострить водитель, но вышло неважно. Он и сам это понял и поторопился спасти положение, спешно добавив: – Нам, главное, сейчас до перекрестка дотянуть, а там, глядишь, поживее пойдет.

Михаил рассеянно посмотрел в окно. Впереди машины, слева машины, справа, позади… Может, Москва и не резиновая, но пока еще достаточно эластична. Кряхтит, но впускает всех вновь прибывших, дает каждому кров и пищу, а желающим и работу. Именно по этой причине Еремин, в отличие от многих столичных жителей, не только не был против «понаехавших», но даже наоборот – всячески приветствовал политику гастарбайтерства. И правда, кто бы у него на объектах работал, если бы не приезжие? Столичные жители сейчас капризные стали, на работу, где необходим физический труд, их калачом не заманишь. Не смущала Еремина и другая проблема, на которую жаловались многие коллеги, – теснота в городе. «Вы еще скажите спасибо, что у нас не как в средневековом Париже или Мадриде, – усмехаясь, говорил им Михаил. – Когда с соседом из дома напротив через окно за руку здоровались. Вот тогда действительно было тесно, а сейчас – простор, высота, размах!» И он действительно так думал. Только бы построить еще хорошие дороги, да чтоб в несколько уровней… Тогда и пробок не станет, и можно будет всюду успевать. Как раньше, еще лет десять-пятнадцать назад, когда он выезжал из дома в восемь утра – и добирался до офиса вовремя и без всяких приключений. А сейчас все, прикрыли лавочку. Еще и половины восьмого нет, а машины уже прочно стоят…

На стекло автомобиля опустился залетевший откуда-то желтый лист и почему-то напомнил об отрывных календарях, какие были в далекие времена детства. Еремин усмехнулся: только по таким знакам природы и замечаешь иногда, что уже осень на дворе. А то ведь вся жизнь так проходит – из офиса в машину, со стройплощадки на деловую встречу, время меряешь только графиком сдачи объектов. Или НЕсдачи, что весьма неприятно, потому как случаи за всю его жизнь, когда строительство укладывалось в срок, можно было по пальцам пересчитать. Вот теперь об этом болела голова. Особенно беспокоила многоэтажка в Вешняковском проезде, имевшая все шансы попасть в категорию «долгострой». Мириться с этим Еремин, конечно, не собирался, он никогда не уставал повторять: «Всегда стремись к тому, чтобы владеть ситуацией, а не идти у нее на поводу». Но ведь не от него одного все зависит…

На объекте в Вешняках Еремин был вчера вечером, посмотрел на заметную уже издалека серую бетонную коробку, высоко, словно толстая свечка, вздымавшуюся над старыми домами. Строители почему-то окрестили здание «Неваляшкой», и с их легкой руки название подхватили и местные жители. Почему, собственно, «Неваляшка», а не как-то иначе, никто толком понять не мог, но вот поди ж ты – сорвалось словцо у кого-то с языка, да и прижилось. Впрочем, так нередко бывает.

«Неваляшка» смотрелась пока еще довольно страшновато. Развороченная строительная площадка вокруг серого остова будущего здания, обшарпанные синие бытовки. Рев моторов, грохот работающей техники… И повсюду, куда ни упадет взгляд, – горы строительного мусора. Впрочем, стройка чуть ли не до самого последнего своего этапа – зрелище вообще малоприглядное. И всегда непростое испытание для людей, живущих с ней по соседству. Никаких тебе положительных эмоций, сплошные неудобства, и, как следствие, активное недовольство.

Весть о строительстве «Неваляшки» местные жители дружно восприняли в штыки. Причины этой бурной неприязни для Михаила так и остались тайной, поскольку ничего хоть более или менее ценного на месте будущей многоэтажки отродясь не бывало. Было бы понятно, если б обитатели района лишились любимого продуктового магазина, жалели бы снесенный благоустроенный сквер или хотя бы возмущались тем, что перенесли удобную автобусную остановку – так ведь нет, ничего такого не было и в помине! Просто заброшенный пустырь.

Первый натиск возмущенных аборигенов – преимущественно пенсионеров – строители «Неваляшки» пережили еще на нулевом цикле, при закладке фундамента. Забор, огораживающий территорию стройки, несколько раз пытались сломать или повалить, а когда не вышло, какие-то «народные умельцы» исписали его агрессивными нецензурными посланиями, адресованными строителям, сопроводив их соответствующими иллюстрациями. И это еще цветочки, кроме забора, было много всего другого: и коллективные письма во все возможные и невоз-

можные инстанции с многочисленными подписями жильцов, и жалобы в полицию, которая в самое неожиданное время наносила визиты с целью проверки документов, и даже пикеты с транспарантами.

Один особо упорный дедок дошел до того, что объявил в знак протеста голодовку, расположился на пустыре у стройки в старой брезентовой палатке, видимо, чудом сохранившейся со времен его походной молодости в оттепельные шестидесятые, и потребовал вызвать к нему телевидение. Но телевидение так и не приехало, зато начались дожди, за пару дней палатка насквозь промокла, и захворавший «протестант» благоразумно убрался восвояси. Впрочем, «идейную борьбу» он не прекратил и дома. Не дождавшись корреспондента центрального телеканала, дал возмущенное интервью стажерке районной газеты. На какие-такие шиши «они» строят эти свои шикарные дома? Не для простых ведь людей, а для «новых русских»! Он, дедок, уже который год не может со своей пенсии на приличный телевизор накопить. А тут еще этот небоскреб у него прям под окнами вылезет, все солнце ему перекроет!

В общем-то, в этих словах была некоторая доля истины, окна дедушкиной квартиры и впрямь утыкались в «Неваляшку». Так что полная юного энтузиазма стажерочка попыталась развернуть целую кампанию, но Еремин, узнав об этом, лишь усмехнулся. Он всегда знал: если в какой-то момент тебе стало тяжело идти по жизни – значит, ты движешься по ней вверх. Он не сомневался, что выйдет из этой борьбы победителем. Уж больно неравны силы: где глава концерна «БилдСтрой» – и где начинающая журналистка из районной многотиражки. Так, разумеется, и получилось. Соответствующая инстанция посмотрела сквозь пальцы на некоторые небольшие нарушения. Да, действительно, в соседних домах стало немного темнее, и прежнего обзора нет – зато сотни людей получат крышу над головой. В общем, этот вопрос утрясли, и больше он Михаила не тревожил. Сейчас его заботило совсем другое: Сидоренко, прораба с «Неваляшки», необходимо было срочно перебросить в Мытищи, на другой авральный объект. Сидоренко – человек проверенный и опытный, он, бог даст, сумеет наладить работу в Мытищах, где стройка только началась, а уже все не ладится и идет кое-как. Но тогда получится как в старой поговорке про короткое одеяло, потому что в Вешняки нужно будет быстро подыскать достойную замену Сидоренко, а где ее взять? Имелся у Михаила один человек на примете – по рекомендации родственника, но справится ли он?

Почувствовав, что начинает волноваться, Еремин несколько раз глубоко вздохнул. Глубокий вдох и медленный выдох, вдох – выдох… Тоже помогает, между прочим. По крайней мере, удается взять себя в руки и установить контроль над ситуацией. Ведь только от тебя зависит – ты будешь решать или обстоятельства.

Пробка, наконец, рассосалась, и к девяти утра Михаил Викторович все-таки добрался до работы. Водитель собирался, как обычно, въехать на территорию офисного центра, но шеф остановил его:

– Высади-ка меня у входа. Немного пройдусь.

Ему и впрямь захотелось чуть-чуть подвигаться, размять ноги после долгого сидения в замкнутом пространстве. Михаил вышел из машины, вдохнул полной грудью свежий, не испорченный кондиционером воздух, оглянулся по сторонам. Пасмурное утро вступало в свои права, легкая туманная влажность мягко окутывала деревья и здания и сгущалась серой дымкой у блестящих мокрых крыш.

Еремин миновал пропускной пункт, кивнув почтительно вытянувшимся в струнку дежурным охранникам, неторопливо пересек двор офисного центра и поднялся по ступеням на широкое округлое крыльцо, затененное козырьком, покоящимся на двух колоннах. Сенсорные двери приветливо распахнулись перед Михаилом Викторовичем, впуская его внутрь здания. Он направился к лифтам. Встав у дверей в ожидании свободной кабины (на этот момент все лифты отчего-то собрались в районе десятого этажа, будто у них там проходило рабочее совещание), шеф не без удовольствия отметил, как сотрудники, узнав его, почтительно замолкают,

вежливо здороваются и норовят посторониться, пропуская его вперед. Он мысленно сказал себе: «Подними голову повыше и держи нос по ветру. А теперь глубоко вдохни и почувствуй – это волшебный запах успеха!»

Михаил Викторович огляделся. Толпа у лифтов собралась уже немалая, некоторые были Еремину знакомы, как, например, стоявшая рядом с ним высокая колоритная брюнетка в обтягивающем платье, подчеркивающем ее роскошные формы. Михаил помнил, что она работает в отделе снабжения и зовется Ангелиной.

Слишком долго и пристально смотреть на декольте Ангелины было неприлично, и потому взгляд Еремина отправился блуждать дальше и переметнулся на двух топтавшихся рядом строителей. Эта парочка в видавших виды форменных комбинезонах, которую невесть каким ветром занесло в головной офис, смотрелась на фоне дресс-кодированного «офисного планктона» в галстуках и отглаженных рубашках нелепо, как килька в томате на блюде с пирожными. И этот контраст чувствовали обе стороны. Клерки брезгливо морщились и старались держаться подальше от строителей, точно боясь запачкаться об их рабочие робы. Строители, в свою очередь, выказывали свое пренебрежение к «белым воротничкам» и разговаривали демонстративно громко.

– Я ей говорю: «Вашей маме зять не нужен?» – рассказывал складный, дочерна загорелый парень, совсем молодой, лет, максимум, двадцати – двадцати двух. – А она смотрит на меня вот такими глазами! Точно на монстра из этого фильма, как его…

– Дык чему ты удивляешься? – хмыкнул его собеседник. Ему можно было дать все пятьдесят, а то и больше – лицо в глубоких морщинах, а ежедневные «сто грамм» в честь конца смены добавили синюшных красок к портрету. – Она небось тоже какая-нибудь секретутка из офиса. Вот и думает: чего этот чумазый ко мне липнет? Кто он такой?.. Я-то вся из себя расфуфыренная, чистенькая, надушенная – как он со своим цементом под ногтями ко мне в китайские трусы полезет…

– Да я получаю в два раза больше ее, а то и в три, – горячился парень. – Я бы ей самые крутые трусы купил. А то и вообще посадил бы дома. Пусть себе сериалы смотрит, борщ варит да детей растит. А деньги я уж как-нибудь сам заработаю.

– Не, – покачал головой старший. – Скажу тебе: это последнее дело – бабу с работы выдергивать. Очумеет от скуки дома, начнет к тебе прикапываться. Где был, с кем, да когда придешь, да чего бухой, да чего денег так мало… Помяни мое слово. Я, когда молодой был, точно так и облажался. Надька заныла, мол, надоело мотаться на другой конец города, я сдуру и говорю – увольняйся. А через полгода прямо взвыл, такую плешь она мне проела. И я тогда, не будь дурак, определил ее в цветочный магазин – букеты заворачивать. Враз человеком стала. С утра встает, красится, наряжается, будто на свиданку собирается. Я шучу – ты кого, мол, охмурять собралась, паразитка? А она мне этак обиженно – у меня работа, мне нужно выглядеть соответственно. А так сидела дома, клуша клушей, в халате да тапках, целыми днями нечесаная. Только толстела да меня пилила…

Невольные слушатели «откровений из народной жизни» страдальчески поднимали глаза вверх на индикаторы движения лифтов и изо всех сил делали вид, что не слышат этих разговоров. Наконец их терпение было вознаграждено: одновременно спустились сразу два просторных лифта и повезли мучеников наверх.

В кабине Михаил Викторович стал свидетелем уже совсем других разговоров. За его спиной женский голос негромко, но довольно живо рассказывал:

– …так вот, в этой книге мне попались замечательные слова: «Если тебе скучно и давно не было проблем – тебе обязательно надо влюбиться! А если проблемы не нужны, оставь это гиблое дело». И я подумала: как это верно сказано, как верно! Действительно, иногда позволяй логике и здравому смыслу побороть обманчивые чувства…

Стоявший рядом с Михаилом низкорослый молодой человек с аккуратной бородкой сердито что-то выговаривал вполголоса нескладной девице, бывшей выше его на голову. Девица виновато опускала глаза и краснела, принимая начальственный нагоняй. А в это же время на глазах у Еремина происходил другой, безмолвный, но столь же исполненный внутреннего драматизма диалог: две до блеска отполированные дамочки под тридцать напряженно исследовали внешность друг друга. Дотошно оценивалась каждая деталь, от туши для ресниц – не дай бог, ресницы слипнутся – что скажут девочки в отделе? – до туфель. Уж не Маноло ли Бланик? А подвеска, неужели от Тиффани? Ну, сумочка-то понятно, Виттон. У каждой работницы офиса должна быть сумка Виттон, это вопрос чести. Девушка может путать Ван Гога с Ван Дамом, считать, что Ангара – это курорт в Турции, и уверять всех, что супругу Пушкина звали Наташей Ростовой, и ей это простят. Но не иметь сумку Виттон – это верх неприличия!

Михаил только усмехался, глядя на эту безмолвную дуэль. Сам он считал, что стремиться к общим, универсальным стандартам внешности – безумие.

Кабинет Еремина находился на двенадцатом этаже. Таня, секретарь-референт, как всегда, была уже на месте и, как всегда, приподнялась, увидев шефа. Она напоминала ему в такие моменты школьницу-отличницу, которая дисциплинированно встает, когда в класс входит учитель.

– Доброе утро, Михаил Викторович!

– Доброе, Танечка, доброе. Будь любезна, свари-ка кофейку, да позови ко мне Ковальчука.

Войдя в кабинет, он первым делом распахнул окно – пусть кабинет проветрится. Свежий воздух Еремин любил, и даже то, что на дворе было прохладно – осень в этом году пришла в Москву четко по расписанию, – его не смущало. Станет холодно – можно и закрыть. Повесив куртку на плечики и убрав ее в шкаф, Михаил Викторович удобно устроился в кожаном кресле и открыл ноутбук. Вскоре дверь приотворилась, и в проеме показалась лысеющая голова директора по персоналу.

– Вызывали, Михаил Викторович?

– Да, Андрей, входи. – Еремин кивком указал Ковальчуку на кресло для посетителей. – Хотел поговорить с тобой насчет Вешняков…

– С отделочниками все в ажуре, – заверил Андрей. Судя по всему, он был очень рад возможности похвалиться перед начальством, аж лысина заблестела от удовольствия. – Штат полностью укомплектован.

– Это отлично, – кивнул Еремин. – Но тут, понимаешь, такое дело… Я уж крутил, прикидывал и так, и этак… Все равно придется прораба из Вешняков на другой объект перебросить. В Мытищи.

– То есть как это? – вскинул брови Ковальчук. – А с Вешняками как же?

– Другого поставим.

– Михал Викторыч, – взмолился директор по персоналу, – где же я сейчас другого прораба возьму? Да еще такого, как Сидоренко? Он же у нас лучший, такие на вес золота, можно сказать.

– Расслабься! – Еремин сделал успокаивающий жест. – С этим уже все решено, у меня есть человек на примете. Меня за него брат двоюродный попросил. Серега всю жизнь на флоте, вот и хлопочет за своего бывшего сослуживца.

Михаил отметил застывшее на лице собеседника уважительно-заинтересованное выражение и продолжил:

– Парня этого зовут Георгием Капитоновым. Его из-за какого-то происшествия списали на берег. Вовка клянется-божится, что ничего криминального – просто так обстоятельства сложились. Очень просил за него. Говорит, мужик толковый, энергичный и весьма надежный – не подведет. Встречался я с этим Капитоновым тут на днях – по виду парень и впрямь толковый.

Я подумал-подумал и решил: назначим его прорабом в Вешняки. Специального образования у него, конечно, нет, но дело знает – держал свою фирмочку, которая занималась ремонтами. Он к тебе в одиннадцать придет, ты уж не тяни там с оформлением. Времени вообще нет.

– А справится он? – покачал головой Ковальчук. – Все-таки отделка многоэтажного дома – это не ремонт квартирки…

– Будем надеяться, что справится, – заверил Михаил Викторович. – Все осуществимо. А если кажется неосуществимым, то просто потребует чуть больше времени и усилий.

Некоторое время директор по персоналу сосредоточенно молчал, машинально поглаживая лысину.

– Может, вы и правы, – задумчиво проговорил он после долгой паузы. – Может, это и хорошо, что он с флота. На флоте дисциплина – первое дело, а дисциплина нашему, извините за выражение, контингенту очень нужна. А эти наши… горе-строители из Средней Азии, Молдавии, или даже из Украины… Норовят ничего не делать, а деньги любят получать. Чуть отвернешься – всю стройку разворуют и из-под полы продадут на сторону.

– Ой, Андрей, кончай ты со своим шовинизмом, – поморщился Михаил Викторович. – Все мы одинаковые, что из Украины, что из Средней Азии, что нерусские, что русские… Да и что такое – русские? Как говорил великий классик, в народе нашем чудь начудила и мерь намеряла. А ты… эх! По-человечески нужно к людям подходить, с вниманием. Вот я дочь свою пытаюсь этому научить, и – никак, – неожиданно пожаловался он. – Растет этакой гламурной штучкой, на всех, кто не такой, как она, свысока смотрит. Хотя, конечно, в этом я и сам виноват. Избаловал. Но кто бы этого не сделал на моем месте? Это же такое счастье, когда к тебе успех приходит, когда то, что ты делаешь, и людям нужно, и вдобавок хорошо вознаграждается! Конечно, мы с женой были довольны, когда зажили в достатке. Ира все повторяла: «Примерь на себя счастье – оно тебе очень к лицу!» Ну, и дочке старались дать все, что могли. И даже больше. А теперь вот плоды пожинаем.

Тут он запнулся на полуслове и запоздало понял, что разоткровенничался явно не в том месте и не с тем собеседником. У Ковальчука был совершенно растерянный вид, он, похоже, понятия не имел, как правильно реагировать на внезапное доверительное признание босса. И Еремин успокаивающе махнул рукой.

– Извини, что-то я разболтался не ко времени. Иди, не буду больше тебя задерживать.

Ковальчук торопливо ретировался. Едва за директором по персоналу закрылась дверь, как у Михаила в кармане пиджака зазвонил мобильник. Это был «второй», или «личный», аппарат, которым Еремин никогда не пользовался для деловых переговоров, номер знали только друзья и родственники.

Кинув взгляд на дисплей, Михаил Викторович усмехнулся не без горечи. Дочка. Легка на помине. Не иначе, Марго срочно понадобились деньги. Другого повода поговорить с отцом у нее не бывает. Ни по телефону в разгар рабочего дня, ни дома, в тихий семейный выходной, когда Марго изредка вспоминает, что у нее есть родители.

– Слушаю тебя, – сухо проговорил Еремин в трубку. О его переживаниях по поводу дочери, что она выросла чужим человеком, избалованным, равнодушным и меркантильным, никто не должен догадаться. Там сейчас она, Маргарита.

– Папуль, – нежно пропела Марго в трубку, – у меня к тебе очень важное дело.

Еремин невольно усмехнулся. Правду говорят, что, когда у мужчины рождается сын, мужчина становится отцом. В крайнем случае, батей. А когда рождается дочь – папулей.

– Сколько тебе нужно? – сдержанно поинтересовался Михаил Викторович.

Глава вторая
Красотка Маргарита

– Сколько тебе нужно? – прозвучало в телефоне, и, как обычно, эта отрывистая равнодушная фраза больно царапнула Марго по сердцу. Ну почему он так говорит с ней, почему? Будто она, его единственная и, между прочим, когда-то очень любимая дочь, не может позвонить ему по какому-то другому поводу – не только из-за денег.

Случись такое еще совсем недавно, она бы обиделась. И от досады повела бы себя именно так, как папа и ждет. Вот просто из вредности. И сумму бы заломила побольше. Раз он считает, что бабки – это единственное, что их связывает, пусть раскошеливается. Но теперь… Теперь все изменилось. Не зря же она потратила столько времени и денег на психолога! И сейчас она полностью подкована и полна решимости. Пора начинать новую жизнь. Или хотя бы строить именно такие отношения с отцом, к которым она стремилась. Кажется, так это назвал Дмитрий Сергеевич. «Не трать времени на предсказание своего будущего – начинай уже сегодня строить его своими руками!» – сказал он тогда. Во время последней беседы психолог явственно дал понять Марго, что, кроме нее самой, никто никогда не изменит ее жизнь. Ни целиком, ни по частям. А папа – это очень важная часть ее жизни…

Неимоверным волевым усилием Марго постаралась удержать эмоции под контролем. Опустилась спиной на подушки, поудобнее устроилась на своей любимой круглой кровати, выбранной по каталогу и привезенной из Италии, и как можно более миролюбиво проворковала все заранее заготовленные фразы:

– Я совсем не за этим звоню, папуль. Не волнуйся, ничего из ряда вон выходящего не случилось. Просто решила, что мы очень давно с тобой не общались в неформальной обстановке, не разговаривали по душам. А мне этого ужасно не хватает. Я понимаю, ты занят, но, может, выкроишь для меня в своем плотном графике хотя бы часок? Скажем, вечером, после работы?

Отец довольно долго молчал в трубку, и Марго представила выражение его лица. Прав был Дмитрий Сергеевич – отец удивился и обрадовался, а это значит, первый шаг к сближению уже сделан. Ну, пусть не шаг, пусть маленький шажок, но все-таки.

– Извини, Ритусь, – голос отца звучал уже не так сухо, – но сегодня вечером никак не получится. У меня встреча с партнерами. Освобожусь очень поздно.

– А завтра? – с надеждой поинтересовалась дочь.

– И завтра тоже. Завтра мы с мамой в Большой театр идем.

– Тогда, может, в выходные? – не сдавалась Марго.

– А на выходные нас к Лузиным пригласили, едем на их дачу под Красногорском. На весь уик-энд. Может, поедешь с нами?

– Ну уж нет! – На такую жертву Марго не была готова даже ради налаживания контакта с папой. – Ты же знаешь, что я всю их семейку терпеть не могу. Давай тогда отложим до следующей недели, что ли…

– Нет, дочурка, погоди, – остановил ее отец. – До следующей недели ждать слишком долго. Хочешь, вместе пообедаем сегодня?

– Хочу! – обрадовалась Маргарита.

– Тогда выбирай место.

– Давай в том ресторане на крыше, где мы в прошлом году мой день рождения праздновали, помнишь?

– Это который на бульваре? Ладно, буду там в два часа.

Нажав на кнопку отбоя, Марго бросила айфончик на пушистое покрывало из шикарного искусственного меха и подмигнула своему отражению в огромном трюмо. Начало положено!

Она молодец! Как там Дмитрий Сергеевич говорил? «Чудеса человек творит собственными руками. Не жди чуда – начуди себе сам что-нибудь чудесное!»

С психологом ей и вправду повезло. Если бы не он, она, наверное, до сих пор бы не смогла выбраться из депрессии. А так благодаря сеансам психотерапии она, наконец, смогла понять, что причина всех ее проблем кроется во взаимоотношениях с отцом.

Марго с удовольствием поплескалась в джакузи, потом высушила и уложила волосы. Она была натуральной блондинкой и очень этим гордилась, но во всем остальном, кроме цвета, волосы оставляли желать лучшего – слишком тонкие, непослушные, и не прямые, и не вьющиеся, а так, не поймешь что, серединка на половинку. Из-за этого приходилось часто посещать салон красоты и тратить очень много времени на укладку. Сегодня же, кроме укладки, ей нужно было успеть одеться и накраситься. Причем и то и другое нужно было сделать быстро и чтобы понравиться папе. А еще важно было не опоздать. Вот уж чего-чего, а необязательных людей папуля терпеть не мог. Чтобы поспеть вовремя, Марго выехала со своего Юго-Запада аж за полтора часа и добралась до центра неожиданно быстро, как-то ухитрившись ни разу не попасть в пробку. Поднялась на крышу, выбрала столик, с которого открывался вид поинтереснее – несмотря на обеденное время, ресторан был почти пуст, заказала себе пока ананасовый лимонад с мятой и сельдереем, стала поджидать отца и от нечего делать размышлять о своем нелегком житье-бытье. Ведь было, было время, когда они общались с отцом без всяких условностей! Когда они были друзьями и Марго казалось, что так будет продолжаться вечно.

В детстве Маргаритка, как ее звали, обожала своего папулю, ну просто-таки души в нем не чаяла. В этом, конечно, не было ничего особенного, почти все маленькие девочки обожают своих отцов. Но Ритин папа был не просто хорошим – а *замечательным*! Каждый выходной они ходили куда-нибудь вместе: в зоопарк, в цирк, в кино или в кафе – есть мороженое. По вечерам папа чаще, чем мама, забирал ее из садика и вел гулять на детскую площадку, а после ужина сам укладывал спать, целовал в лоб, читал на ночь сказки и пел песни. При этом слуха у папы вообще не было, а у Маргаритки был, и она каждый раз замечала, когда папуля фальшивил – но все равно настаивала, чтобы песни ей пел только отец, а не одаренная музыкальными способностями мама. Лишь однажды, когда Маргаритке было года четыре с половиной, она сделала отцу замечание: «Папуля, ты не так поешь!» и запела сама – правильно. В ответ отец только руками развел: «Что делать, солнышко, не повезло мне. Медведь на ухо наступил!» Услышав такое, Маргаритка тут же представила себе большущего медведя, который наступает папе на ухо огромной тяжелой лапой, и разрыдалась от ужаса. С тех пор она больше никогда не указывала отцу на ошибки в исполнении песен – боялась медведя. И продолжала с удовольствием слушать бардовские песни, которые папа пел ей вместо колыбельных. Про лыжи у печки, про лесное солнышко, про атлантов, которые держат на каменных руках небо и самую ее любимую «Но капитана ждет красотка Маргарита…». Девочка была уверена, что эта песня про нее, и просто млела, когда папа называл ее «красоткой Маргаритой».

От этих воспоминаний, одновременно и сладких и горьких, Марго усмехнулась. Покачала головой, сделала еще глоток лимонаду, вздохнула… Все это было так давно и одновременно так недавно. Эти чудесные прогулки с папой, интересные игры – только он один умел придумывать такие! – рассказы о его детстве, которые она слушала, раскрыв рот…

Все изменилось примерно через год или два после того, как она пошла в школу. Папа вдруг стал приходить домой очень поздно, когда Маргаритку уже укладывали, а уходить рано, пока она еще спала. Но, что самое неприятное, в выходные его теперь тоже не бывало дома. Мама говорила, что у папы стало много работы, потому что он «занялся бизнесом». Что это за бизнес такой, Рита тогда толком не уяснила и отчего-то представляла себе огромный мрачный серый дом вроде тюрьмы, в котором папу запирают на целый день. Однажды, когда у папы все-таки выдалась свободная минутка, она рассказала ему об этом, и папуля очень смеялся.

– Знаешь, красотка Маргарита, в чем-то ты права, – сказал он тогда. – Только в домах никто меня не запирает. Потому что я их сам строю. То есть не сам, конечно. Строят рабочие, а я показываю, где и как строить, и руковожу всей работой. Правда, ведь это очень здорово – строить дома?

– Наверное… – неуверенно ответила она. – Но почему ты теперь так редко бываешь дома? Разве тебе надо строить и вечером, и в субботу, и в воскресенье?

– Да, к сожалению, – кивнул папа. – Дома надо сдавать в срок. Чтобы в них побыстрее поселились люди. Вот представь себе, что есть семья, такая же, как наша: папа, мама и дочка. Только живут они не в теплой уютной квартире, как мы, а в каком-нибудь тесном холодном сарае, где нет ни водопровода, ни отопления, все время сквозняки и крыша протекает. Вот мы и торопимся достроить дом осенью, чтобы эта семья успела переехать до зимы. Потому и приходится так много работать.

Наверное, папа ждал, что дочь с ним согласится, однако Маргарита уже в том возрасте была сообразительной девочкой.

– Но ведь они же уже много лет живут в своем старом сарае, – возразила она. – Так что вполне могут подождать еще. А ты сможешь не спешить со стройкой и чаще бывать со мной.

Тогда папа засмеялся, правда, как-то не слишком весело. Но потом, спустя много лет, вдруг припомнил дочери этот разговор. «Ты всегда была эгоисткой! – бросил он как-то в пылу ссоры. – Даже во втором кассе. Уже тогда думала и заботилась только о себе». Услышав эти слова, Марго очень обиделась и не стала возражать. Жаль, что отец не понял ее, – ведь тогда она заботилась как раз не о себе, а о нем…

С тем, что она стала так редко видеть папу, маленькая Рита никак не могла смириться. Но во всем остальном их жизнь стала постепенно меняться в лучшую сторону. Маргаритке начали покупать все, что она просила – не только сладости и журналы с наклейками, но и дорогие игрушки, и шикарную одежду. У мамы появилась красивая серебристая машина, на которой теперь возили Маргаритку в школу – и школа тоже стала другая, не школа даже, а гуманитарный лицей. Они переехали в новую квартиру с высокими потолками и видом из окна на Москву-реку, и Маргаритке разрешили самой выбрать любую мебель в ее новую большую комнату – любую, какая ей понравится. Теперь минимум по три раза в год они с мамой стали ездить то отдыхать, то смотреть красивые европейские города, то купаться в теплом море и загорать на белом песке под пальмами, то встречать Новый год в самой Лапландии, где живет Дед Мороз. Все эти поездки были замечательными, жалко только, что папа сумел выбраться вместе с ними всего один-единственный раз – как раз в ту самую Лапландию.

Марго росла, и с годами детские проблемы постепенно стали уходить в прошлое. В ее жизни стали появляться и другие значимые люди, помимо отца – сначала подруги, а потом и друзья. Она увлеклась всем, чем увлекаются девчонки в подростковом возрасте, – модой, косметикой, гаджетами, кино, музыкой, парнями, флиртом, танцами, клубами, ресторанами. И если мама не видела в этом ничего предосудительного, то папа отчего-то был недоволен дочкиным образом жизни. Родители часто спорили на эту тему, и все их разговоры казались удивительно похожими один на другой, словно это была одна и та же нескончаемая беседа, которая периодически прерывалась и каждый раз заново начиналась с одного и того же места.

– Ир, ну нельзя же так! – говорил отец матери. – Ты пойми – у меня нет времени на воспитание Ритки, а ты ею совсем не занимаешься. Девке пятнадцать, а интересов никаких. Что из нее вырастет? В голове одни тряпки да мальчишки. А ты ей во всем потакаешь. Хоть бы устроила ее в кружок какой-нибудь, заниматься чем-нибудь полезным.

– Так она английским аж три раза в неделю занимается, – отвечала мама, накладывая на лицо крем или подпиливая ногти.

– Мало! – восклицал отец. – Слишком много времени остается на ерунду. Я в ее годы и на курсах при институте учился, и во Дворец пионеров ходил в фотостудию, и радиоделом увлекался, и в футбол играл, и в хоккей…

– И что в этом хорошего?! – возражала мама. – Я вот тоже десять лет, как проклятая, в музыкалке отпахала, такое отвращение к музыке заработала, что с тех пор скрипку ни видеть, ни слышать не могу. Нет уж, хватит с Маргаритки английского. И так у них в школе нагрузки большие, нечего перегружать ребенка. Пусть погуляет, пока есть возможность.

– Ириш, но у нее же в голове не просто ветер, а ураган настоящий! – возмущался папа. – Книг вообще не читает, фильмы смотрит самые примитивные, в компьютере только в игрушки играет да на всяких чатах-форумах сидит. Говорил с ней сегодня, упомянул Софью Ковалевскую, так, оказывается, наша дочь даже не знает, кто это такая! Спрашивает, в каком кино та снималась.

Подслушивая тайком эти беседы, Марго только фыркала. Вроде бы папуля у нее не дурак, но иногда такую пургу гонит! Что она, соплячка малолетняя – в кружки ходить? Она позавчера в клубе с диджеем познакомилась, такой крутой чувак оказался!..

О своем будущем Марго до окончания школы вообще не задумывалась. Вернее, задумывалась, конечно, но это были не столько планы, сколько мечты – каким будет ее муж, как будет выглядеть ее собственный дом, когда она поселится отдельно от мамы и папы, как станет проводить время, когда сделается окончательно взрослой и полностью освободится от родительской опеки. Но вот в какой вуз поступать, чему учиться, какую приобретать специальность – это ее как-то мало волновало. Ни к одной из существующих в мире профессий Марго не испытывала ни интереса, ни особой симпатии. Работать – в том понимании, какое вкладывают в это слово большинство людей, – она не собиралась. Зачем? В жизни масса других, куда более интересных занятий. А зарабатывать деньги ей не нужно. Ее отец состоятельный человек и вполне сможет обеспечивать ее до тех пор, пока она не выйдет замуж за такого же состоятельного и успешного человека. И когда взрослые заговаривали о поступлении в институт, Марго только пожимала плечами, а на ее лице появлялось выражение покорности – как скажете, дорогие родители, так и поступлю. Те же, как обычно, спорили. Мама мечтала отправить дочурку за границу, в Европу или Америку, но папа был категорически против.

– Нет уж, сначала пусть получит высшее образование на родине. А там посмотрим.

В итоге семья пришла к компромиссу. Марго честно отучилась в архитектурном (естественно, на платном отделении), а потом на три года укатила получать образование в Лондон. В Англии ей понравилось все, кроме климата, и к концу учебы она уже точно решила, что останется жить в Европе. Только не в Великобритании, а где-нибудьв Италии, Австрии или во Франции, где потеплее. Но когда Марго остановила свой выбор на Швейцарии, отец, что называется, обломал ей весь кайф.

– А что ты там делать собираешься? – спросил он, нахмурившись.

– Как это «что»? – изумилась Марго. – Поселюсь в Лугано, на берегу озера, в хорошеньком домике с садом, цветы посажу. А еще обзаведусь яхтой, займусь серфингом, я давно хотела. Зимой буду в горы ездить, на лыжах кататься. У меня в Лугано подружка живет, Оля, ты ее знаешь, она замуж вышла за швейцарца. Так что скучно мне не будет…

– Я не про то, – покачал головой отец. – Как ты собираешься найти там клиентов? Думаю, в Швейцарии своих архитекторов да дизайнеров по интерьеру хватает.

– Клиентов? – удивленно переспросила Марго. – Пап, но я же не собираюсь там работать!

– А на что ты планируешь жить? – сурово поинтересовался он.

– Но я думала, что ты…

– А, ты думала, что я буду тебя содержать и там, – перебил отец, даже не дав ей договорить. – Нет, дорогая, это не входит в мои планы.

– Но как же так, папа? – надулась она. – Я ведь все-таки твоя дочь.

И тут Марго услышала о себе много нового. Отец вдруг вышел из себя и сообщил ей, что дочь-то она ему дочь, вот только такого разочарования, которое принесла ему она, у него ни разу за его долгую жизнь не случалось. Он надеялся вырастить ее хорошим человеком – а получилась эгоистка, пустышка и тунеядка.

Марго тогда в очередной раз ужасно на него обиделась. Какая же она пустышка? У нее очень богатый внутренний мир. Она много читает, и не какие-нибудь там глупые дамские романчики, а серьезную литературу. И из кино она предпочитает артхаус. На фотовыставки ходит, йогой занимается – причем не только для фигуры, но и для души. В общем, со всех сторон продвинутая современная девушка. Но папе что-либо объяснять бесполезно, он если уж упрется, то никаких возражений слушать не хочет.

После этого разговора Марго стало как-то совсем тяжело на душе. Началась апатия, ничего не хотелось, не радовали ни собственная уютная квартирка, подаренная родителями на восемнадцатилетие, ни новенький «Вольво», купленный папой, как только она вернулась из Англии, ни шопинг, ни клубы, ни свидания. Такой подавленной Марго обычно чувствовала себя после разрыва с мужчинами, но никогда еще она не впадала в уныние на такой долгий срок.

«У меня депрессия!» – сообщила она родителям. Мама перепугалась, стала обзванивать знакомых в поисках хорошего специалиста и вскоре вышла на Дмитрия Сергеевича Корсунского[1], модного психотерапевта, который даже вел собственную передачу на телевидении. Папа только усмехнулся: «Депрессия… Скажите на милость! Просто с жиру девка бесится…» Но денег на психотерапевта дал. Марго начала посещать Корсунского, рассказывала о себе, проходила тесты, отвечала на откровенные вопросы, прилежно ставила крестики в бланках, рисовала картинки и сочиняла истории по фотографиям, похожим на кадры из фильмов пятидесятых годов, которые так любила мама. В конце концов психолог объяснил Марго, что ее главная проблема – взаимоотношения с отцом. Она никак не может справиться с комплексом Электры.

– Это что еще такое? – напряглась Маргарита. У нее, как у нормального современного человека, слово «Электра» вызвало ассоциацию не с античными мифами, а с электричеством.

Психолог объяснил, что подобный комплекс есть у многих женщин, во всяком случае, у тех, которым посчастливилось иметь хороших отцов. В детстве такие девочки очень сильно привязаны к папе и, став старше, подсознательно, а порой и осознанно формируют себе идеал мужчины, похожего на отца. Как правило, у них не складывается личная жизнь, потому что найти второго *такого же, как папа*, бывает нелегко. А если он и находится, то возникают проблемы в интимной сфере, потому что женщина подсознательно видит в партнере отца, а секс с отцом – табу.

На Марго эти слова произвели очень сильное впечатление. Она много думала о них и пришла к выводу, что Дмитрий Сергеевич абсолютно прав. С личным у нее и правда всю жизнь было как-то не очень удачно, мужчины постарше на самом деле нравились ей чаще, чем ровесники. И все они действительно, по крайней мере внешне, были того же типа, что и отец – среднего роста, широкоплечие, крепко сбитые блондины с простым и открытым, не претендующим на красоту лицом. Целых три недели Марго под чутким руководством психолога работала над проблемой и достигла неплохих результатов. Депрессия пропала, Марго повеселела, вернулась к прежнему образу жизни, опять начала тусоваться и познакомилась с новым парнем. Лео был на год ее моложе, темноволосый, высокий, худощавый и хорошенький, как картинка в глянцевом журнале, – словом, ничего общего с папой.

Какое-то время Марго чувствовала себя просто замечательно. С Лео ей было неплохо, а ему с ней – еще лучше, потому что он стал намекать на совместную жизнь и даже на свадьбу. Против брака Марго ничего не имела, все-таки ей уже двадцать пять, почти все подружки и

[1] Персонаж романа Олега Роя «Письма из прошлого».

бывшие одноклассницы хоть по разу, да сходили замуж – а она еще нет. Можно было, конечно, сколько угодно корчить презрительную гримаску и заявлять, что ей нравится быть свободной женщиной, что надеть хомут на шею она всегда успеет, и что во всем цивилизованном мире от ранних браков давно отказались – но когда, говоря такое, сама себе не веришь, это не слишком приятно. Лео в качестве жениха ее в принципе тоже устраивал. Не жадный, не нудный, с чувством юмора, с ним на тусовке не скучно и в постели классно. Чем не муж? Несколько смущало только то, что Лео был простым рекламщиком, креаклом, офисным планктоном, причем типичным его представителем. К тому же он все еще жил с родителями в их двухкомнатной квартире в Бескудниково. Он купил себе в кредит «Мазду» и теперь постоянно раздумывал, влезать ли в ипотеку – жить с предками его достало, но если взять ипотеку, на шмотки и тусовки в клубах денег не останется.

Самой Марго все это казалось не таким уж серьезным препятствием, однако папа считал иначе.

– Дело не в том, где он просиживает штаны и сколько получает, – заявил он. – А в том, что он именно *просиживает штаны* и *получает*. А нормальный мужик должен *работать* и *зарабатывать*. Улавливаешь разницу?

Марго в очередной раз обиделась на отца, но смолчала, чувствуя в глубине души, что доля истины в его словах есть. С Лео она пока еще не порвала, но с разговорами о свадьбе попросила подождать. А сама снова впала в уныние и начала посещать Дмитрия Сергеевича. В результате очередной беседы они с психологом пришли к мнению, что ее сильно угнетает ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях с отцом. Необходимо наладить контакт и достигнуть взаимопонимания – иначе она так и не обретет внутреннюю гармонию. Поэтому-то Марго назначила эту встречу с отцом.

Конечно, Михаил Викторович даже не подозревал, какие надежды его дочь возлагает на сегодняшний обед. Он отыскал ее взглядом, улыбнулся, подошел к столику, чмокнул в щеку и сел напротив. Кивнув подавшему меню официанту, он снова повернулся к Маргарите:

– Ну, докладывай, что у тебя стряслось.

– Да ничего не стряслось, папа! – В полном соответствии с психологическими инструкциями Марго лучезарно улыбнулась. – Я же сказала: просто соскучилась.

– Хотелось бы верить… – Отец с сомнением покачал головой. – Ладно, что заказывать будем?

– Мне что-нибудь легонькое, я не голодная. – Она продолжала сиять улыбкой, но внутренне уже слегка напряглась. Похоже, отец сегодня не в лучшем настроении. Не зря ли она затеяла встречу? Как бы все не закончилось очередной ссорой… – И потом, мне скоро в фитнес-клуб ехать, а я ни перед занятиями, ни после стараюсь белка не есть. А то нарастут лишние мышцы, будет некрасиво.

Отец громко хмыкнул.

– Ох, мне бы ваши заботы… Ладно, ты как хочешь, а я поем. – И заказал полный обед, сытный и, с точки зрения Марго, не слишком здоровый и полезный.

– Ну, что вы там с твоим *метросексуалом* решили, жениться-то будете? – поинтересовался отец и подцепил на вилку кусок маринованной селедки.

– Пока подождем. – Марго старалась вести беседу осторожно.

– Ну и славно, – папа доел ломтик черного хлеба и потянулся за следующим. – Честно тебе скажу, дочь: не нравится мне этот твой Лео. Не такого мужа мне бы для тебя хотелось.

– А какого, интересно знать? – осведомилась Марго, отправляя в рот ложечку фруктового салата.

– Да неужели сама не понимаешь? – Он отодвинул пустую селедочницу и кивком дал понять официанту, что можно подавать суп. – Нормального серьезного мужика. Чтоб не порхал по жизни, как мотылек, а прочно стоял на ногах, делом занимался, нормальные деньги зара-

батывал. Я ж не вечен, не смогу все время и тебя, и твоего муженька кормить. А еще, бог даст, у вас детки пойдут… Так надо, чтоб в семье хоть один человек путный был. Не жена, так муж.

– А я, по-твоему, вообще не путная?! В смысле – непутевая? – вспылила Марго, у которой от возмущения тут же вылетели из головы все инструкции психолога.

Отец с грустью посмотрел на нее.

– Ну а разве не так, Рита? – проговорил он после небольшой паузы. – Ты сама-то на себя посмотри. Двадцать пять лет – а чего достигла в жизни? Да, у тебя есть квартира, машина, шмотки и цацки – но это все я тебе купил. А сама-то ты что собой представляешь? Ни одного решения в жизни не приняла, ни единого самостоятельного шага не сделала, ни копейки не заработала своим трудом! Сколько можно быть такой инфантильной, Ритка?

– Это я-то инфантильная? – Марго уже кипела и бурлила, как ночная жизнь в центре Москвы. – Да я, если хочешь знать, хоть завтра могу начать работать! С моим-то образованием.

– Работать? Да не смеши меня! – Отец даже ложку отложил. – Что ты можешь? Цвет обоев подбирать? Подушечки по диванам раскладывать? Вазочки по полочкам расставлять? Тем клиентам, которых мама с папой за ручку приведут. Это не работа, Рита, это баловство.

– Ну да, конечно, лучше бы я у тебя на стройке бетон месила! – повысила голос Марго.

– Еще чего! – засмеялся отец. – Тебя и близко к стройке нельзя подпускать. Ты бы там таких дел натворила… Да и сама бы и дня не выдержала.

– Да ладно! – фыркнула дочь. – Не преувеличивай. Я все-таки архитектурный закончила, не забывай. Могла бы и на стройке работать.

– «Свежо предание, да верится с трудом», – процитировал классику папа и снова зачерпнул ложкой суп, давая понять, что не видит смысла продолжать этот разговор. Но Марго уже завелась.

– А спорим? – заявила она. – Вот давай, устрой меня к себе на работу. На какую-нибудь стройку. Прекрасно я выдержу… ну, скажем, месяц. Забьемся?

– Месяц – это несерьезно, – рассмеялся отец.

– Хорошо, пусть будет два. Или даже три.

– А полгода слабо?

– Ну, смотря кем работать… – запоздало осадила коней Марго.

– Ага, испугалась, – усмехнулся он. – Уж конечно, плиточником или штукатуром тебя не поставил бы. Мне это самому было бы невыгодно, переделывай потом все за тобой… А вот, скажем, стажером к прорабу легко бы отправил. У меня сейчас как раз есть подходящий объект – на этапе отделки. Именно через полгода запланирована сдача. Ну да ладно, все это пустые разговоры в пользу бедных. Эх, и хорош у них грибной супец!.. Хоть вторую порцию заказывай.

– Папа, не переводи разговор на другую тему! – Марго внезапно ощутила, что полна решимости. Ее точно озарило – вот он, ее шанс! Если она сейчас настоит на своем и сумеет выиграть пари, это разом изменит отношение отца к ней. – На стажера я согласна. Забиваемся.

– Ну-ну, – хмыкнул отец. – Давай попробуем… На что хоть спорим-то?

– А на желание! Если я полгода проработаю на этой твоей стройке, то ты сделаешь все, что я попрошу. И учти, это будет такое… – хитро улыбнулась Марго. – Заранее трепещи!

На самом деле, у нее пока даже мыслей не было, что стребовать с отца, но она не сомневалась, что за шесть месяцев успеет придумать. Ей был важен не приз, а победа.

– А чего мне трепетать – я ж знаю, что вообще ничем не рискую, – снова засмеялся папа. – Ну, ладно, раз уж ты так хочешь, оформлю тебя в Вешняки. Но учти, начальник у тебя будет крутой. Бывалый моряк, морской волк, можно сказать. Спуску тебе не даст. Георгием звать… Бывший боцман с грузового судна. У такого не забалуешь.

Глава третья
Морской волк

Как раз в это время Георгий Капитонов, бывший боцман с грузового судна «Нижний Тагил», бывалый моряк и, можно сказать, морской волк, у которого не забалуешь, подъезжал к строящемуся зданию в Вешняках на мотоцикле фирмы «Сузуки».

Георгий прекрасно понимал, что езда на байке по московским улицам и дорогам – не что иное, как растянутое во времени самоубийство. Но садиться за руль обычного автомобиля он принципиально не хотел. Видимо, сказывалась неугомонная натура бывалого моремана. Не мог он обходиться без риска, без упругого встречного ветра в лицо. Стояние в пробках, мутное ожидание было не для него, общественный транспорт с его толкотней – тем более. А ездить на чем-то надо, город большой, без колес никак нельзя. Так что он почти сразу по возвращении в Москву посетил салон на Пресне, из которого сразу же выехал на новом «железном коне». И понял: байк – это не средство передвижения, это состояние души. К тому же мотоцикл оказался хорошим решением транспортной проблемы – и стильно, и лихо, и автомобильный затор объехать – раз плюнуть.

Согласно договоренности, к работе он должен был приступить с завтрашнего дня, но ему не терпелось поскорее своими глазами увидеть объект, чтобы хоть примерно представить себе, с чем предстоит иметь дело. Что греха таить – он волновался, и волновался не на шутку. Потому что одно дело – организовать ремонт в обычной квартире, и совсем другое – руководить процессом отделочных работ в огромном здании. На такую серьезную вахту он выходил первый раз в своей жизни. Да и не ожидал он, что все срастется так быстро. Когда случайно пересекся в Интернете с *братишкой* Володей и закинул удочку насчет работы, то особо и не надеялся на результат. И был очень удивлен, когда спустя пару дней с ним связались и назначили встречу с самим «капитаном» «БилдСтроя» Ереминым. Лично. Георгию это очень понравилось. Он и сам всегда придерживался мнения, что, если хочешь по-настоящему узнать человека, дай ему возможность самому рассказать о себе словами и поступками – не делай выводов из того, что говорят о нем другие.

Встречей он остался доволен. И, похоже, это получилось взаимно, поскольку уже на следующее утро Георгия пригласили в офис, оформили все бумаги и тут же отправили на инструктаж к какому-то эйчар-менеджеру. Этот самый эйчар (и слово-то какое дебильное!) ему не понравился – типичная сухопутная крыса. Наглажен, надушен, прилизан, выбрит до блеска – морда, как только что надраенная палуба – а ощущение вызывает гадливое. Но антипатий своих Георгий, ясное дело, показывать не стал, терпеливо слушал, что долдонит менеджер.

– Вы, главное, следите, чтобы пожара в бытовках не случилось, – бубнил холеный эйчар. – За пожар, если, не дай бог, с жертвами, до семи лет срока дают, а то и больше… Мы, конечно, своих не бросаем – отмазываем, как можем, но всякое бывает, понимаете? Да, и еще: нелегалов мы на стройке не держим, себе дороже. Рабочие все с регистрацией, миграционными картами, официально оформлены, посчитаны, как говорится, по головам. Так что с этой стороны проблем быть не должно. А если что случится, так и говорите следакам: рабочие были пьяны, неосторожно обращались с огнем, электричеством, водой, острыми предметами, друг с дружкой – в общем, вы тут ни при чем, начальство – тем более. Но не дай бог, случится пожар…

Георгий только поморщился. Уж кому-кому – а ему точно не надо рассказывать, как страшен и опасен бывает огонь. Особенно на судне. Это только глупые девчонки на берегу удивленные глазки делают: «Так там же вода кругом, разве трудно потушить?» Трудно, девочки, очень трудно. И деваться с горящего судна некуда…

Он до сих пор во всех деталях помнил ту ненастную ночь. Он, как обычно, усталый, как собака, завалился спать под ровный шум за переборкой – там находилось машинное отделение с его неумолчным гудением, клокотанием, беспокойной жизнью железных механизмов. Казалось, только успел закрыть глаза, как тут же раздались крики. Аврал, пожар в машинном. Все тотчас повскакали с коек. Матрос ли ты, боцман, штурман, да хоть старпом – неважно, тревога общая. Всем быть в полной готовности, согласно своей должности и инструкциям. Пожар – дело нешуточное. Все вместе кидаются бороться со стихией, все надеются на счастливую моряцкую звезду да молятся всем, каким только можно, богам… Им с ребятами в тот раз сильно повезло – обнаружили пожар рано, навалились дружно, действовали согласованно. На корабле все – одна команда, и помирать, если что, все вместе будут. Потому-то морские всегда марку держат перед сухопутными. На борту все друг за друга отвечают, в беде не бросают. Твердо знают: всегда сам решай, что возможно, а что невозможно – не позволяй это делать своему страху и сомнениям. Так что потушить пожар удалось быстро, причиненный огнем ущерб удалось кое-как устранить. Уже потом, в ближайшем порту, надежно починились…

Много еще таких ночей и дней было у Георгия. Как только здоровья хватало! Однажды он принимал участие в спасении экипажа затонувшего краболова и выпал из спасательного катера. Всего-то минут десять побарахтался в ледяной воде, а потом две недели валялся в больнице. И ничего – обошлось. Но все чаще он чувствовал, что начинает уставать от этой трудной кочевой жизни. Так что, может, и хорошо, что его на берег списали. Если даже в очень сложной ситуации у тебя есть выбор – это уже повод для оптимизма! Опять же, годы идут, уже за сороковник перевалило, и он не молодеет. Неизвестно, сколько лет он еще смог бы бодро нести службу, независимо от того, выспался или нет, не ворча, не жалуясь, в любую погоду, не думая о простуде и о прочих хворях и недомоганиях. Хотя, конечно, остался бы на борту – все равно смог бы. Ведь море – мечта всей его жизни.

Собственно, в том, что еще в детстве он начал грезить о дальних плаваниях, не было ничего удивительного. В определенном возрасте почти все мальчишки и добрая половина девчонок бредят морем. Начитаются Жюля Верна, насмотрятся фильмов о пиратах и героических путешественниках – и мечтают стать моряками. Пока не придет черед нового увлечения. Вот только у него этот черед так и не наступил. Он все так же зачитывал до дыр книги на морскую тематику, всерьез изучал специальную терминологию, устройство разных кораблей и систему управления ими, а как только позволил возраст, записался в детскую мореходную школу «Бригантина», и за все годы учебы не пропустил без крайней необходимости ни одного занятия. Из его родных подмосковных Люберец до любого моря было далеко, но его такие вещи не смущали. На высшее образование он не замахивался, сразу в капитаны не рвался, его вполне устраивала специальность матроса. Родители, к тому времени уже осознавшие, что спорить с их сыном бесполезно, только махнули рукой, когда он сообщил, что поступать в мореходку будет в Одессе. После училища его распределили на сухогруз, приписанный к Новороссийску. Там Георгий и поселился, сначала комнату получил, потом, когда женился, квартиру. Восемь с лишком отходил матросом, а потом, когда ушел на пенсию старый боцман Иваныч, которого уважала и побаивалась вся команда вплоть до старпома, занял его место. И оставался на той же должности, хоть и на разных посудинах, несмотря ни на что – ни на перестройку, ни на распад Союза, ни на прочие катаклизмы… До тех пор, пока не случилась та неприятная история, о которой у Георгия не было никакого желания вспоминать. Но он жил по принципу «Никогда не нарушай правила! Особенно те, которые установил сам для себя. На основании собственного опыта».

Самое обидное, что лично его вины в произошедшем не было никакой. Разве что недальновидность. Хотя вроде бы и чувствовал, что обстановка накаляется, но решил, что кричать «Полундра!» еще рано, пустил дело на самотек – вот и поплатился. А все из-за этого Василия, парня из Краснодарского края. Георгию он сразу не понравился – нехороший у человека

взгляд, тяжелый, недобрый. Но он до последнего момента не придавал особого значения своей антипатии к Василию. Флот – не институт благородных девиц, тут ангелочков с крылышками не встретишь. Ничего, думал он, и с этим Василием сработаемся, не таких обламывали.

Надо отдать Василию должное, работал-то он как раз хорошо, тут у боцмана к нему нареканий не имелось. Но вот характер имел крайне неуживчивый, хуже того – агрессивный. Чуть что – заводился с полоборота, на пустом месте, но при этом и сам постоянно задирал других ребят. Сколько раз дело доходило до драки, но обычно обходилось. Ну, сцепится кто-то с Василием, растащит их, походят оба «героя» с синяками и разбитыми костяшками. Но однажды не обошлось, драка завязалась что-то уж очень серьезная, не один на один, а целая куча-мала, и Васька, чтоб ему ни дна ни покрышки, достал нож и пырнул в живот своего оппонента – неплохого парня, отца двух детей. Спасти того не удалось. Ваську, конечно, судили, но легче от этого не стало никому, ни семье убитого, ни самому Георгию, которого тоже назначили виноватым – не углядел, недоработал, допустил нарушение дисциплины в команде. И то, что драка произошла ночью, когда боцман спал у себя в каюте после тяжелой вахты, никого не трясло.

После списания на берег Георгий не остался в Новороссийске – там его уже ничего не держало. Путь в море был отныне заказан, а семья давно распалась. Маринка однажды не дождалась муженька из очередного рейса, сошлась с каким-то шеф-поваром из элитного ресторана. Впрочем, Георгий тогда не очень переживал ее уход, больше удивлялся: Маринка всегда была помешана на похудании, лишнюю крошку боялась съесть и – на тебе! – ушла к повару! Да еще, судя по рассказам досужих кумушек, для которых нет в жизни больше кайфа, чем настучать моряку на то, как вела себя жена, пока он был в плавании, сама этого повара соблазнила и сама потащила под венец. Это Маринка-то! Та самая Маринка, за которой вечно ходили толпы поклонников, которая всегда задирала нос и повторяла: «Твое сердце – не проходной двор – давай от него ключи только достойным!» Собственно, именно поэтому Георгий на ней и женился. Не по любви, а из чувства соперничества, азарта победить и оказаться в битве самцов самым лучшим. И вот чем все закончилось. Хорошо еще, что детей не нажили.

Так он и вернулся «на историческую родину», в неузнаваемо изменившиеся за годы его отсутствия Люберцы, в родительскую двушку. Отца уже не было на свете, они похоронили его шесть лет назад, а мать не могла прийти в себя от радости, что единственный сын снова будет рядом и у нее вновь появился кто-то, о ком можно заботиться. Работать с его специальностью в столице было негде (не идти же на прогулочное корыто, которое катает свадьбы и корпоративы по Москве-реке!), и он решил заняться бизнесом. Не жди, что судьба изменит тебя, – изменяй свою судьбу собственными руками! Организовал фирмочку, стали делать ремонты, но дела шли ни шатко ни валко – слишком большая конкуренция. Летом еще так-сяк находились заказы, но с октября начинался мертвый сезон. Потому он и намекнул Володе, что ищет работу. Правда, надеялся при этом на возвращение в море.

Ладно, теперь все это уже позади – его беспокойная морская жизнь со всеми штормами и штилями, авралами и вахтами, отданными швартовыми и возвращениями в порт, и его так и не ставшая счастливой семья. Казалось бы, пора уже оставить прошлое в покое и жить настоящим, учитывая, что не так уж много нам отпущено будущего. А все никак, все ненужные воспоминания в голову лезут.

А эйчар тем временем все распинался и распинался на тему техники безопасности. Нашел, блин, кого учить!..

– Ладно, я все понял, – прервал его бесконечные излияния Георгий. – Когда мне выходить на объект?

И услышал в ответ:

– Да хоть завтра! На стройке, знаете ли, время особенно дорого…

Потому Георгий и решил не тянуть кота за все места, отправился в Вешняки с утра, тем более что и от дома это было совсем недалеко. Кто его знает, что будет завтра? Наплюй на про-

гнозы синоптиков – как пройдет твой день, зависит только от тебя. Ехал, зорко оглядываясь по сторонам, запоминая дорогу – прокладывал курс. Теперь этот путь ему предстоит проделывать ежедневно. А вот и стройка показалась.

Стройка…

При этом слове у любого несведущего человека перед глазами сразу же возникает высокий забор, подъемные краны, бытовки, выезжающая из ворот грузовая техника… Георгий вспомнил, с каким любопытством в детстве они с друзьями-мальчишками заглядывали в щели забора, пытаясь разглядеть, что делается на строительной площадке. Отчего-то всех мальчишек манит кипящая там загадочная жизнь. В детстве забраться на стройку было самым настоящим подвигом. Гошка с приятелями много раз, набравшись храбрости и презрев все запреты взрослых, проникали через дыру в заборе на строительную территорию. Вот тогда-то можно было не только все разглядеть в подробностях, но и разжиться вожделенными сокровищами – ржавыми металлическими уголками, осколками цветной кафельной плитки, а если повезет, то и почти целым ее квадратиком, кусками звонких рыжих кирпичей, из которых потом можно было вытачивать шершавые фигурки – шарики, сердечки, кубики. Надо было терпеливо тереть куском кирпича об асфальт, чтобы придать ему ту или иную форму… Особенно ценились у мальчишек кусочки свинца от оплетки телефонных кабелей. Свинец плавили на огне в консервных банках и выливали в ямки на песке, придавая разную форму – пистолетов, сабель, самолетов, кораблей – и получались фигурки, которые тут же становились предметом всеобщей зависти.

Набег на стройку должен был совершаться быстро, пока не заметила охрана. А когда становилось ясно, что присутствие лазутчиков на запретной территории уже перестало быть тайной, приходилось со смехом и с замирающим сердцем улепетывать. Зато потом можно было горделиво рассказывать в красках менее смелым и не участвовавшим в дерзкой вылазке товарищам, как их преследовал ужасный сторож, грозя перемолоть в бетономешалке.

И вот сейчас время словно вернулось: он опять проник на таинственную территорию стройки. Как в детстве. Что ж, наверное, это не так плохо. Ведь не зря говорят: никогда не забывай о том, что в детстве приносило тебе счастье.

Правда, теперь уже просто так, за здорово живешь, на стройку не пройти. Никаких дыр в заборах нет, за этим строго следят, а вход преграждают надежные ворота, с будкой охраны. Ни одному владельцу строительной компании не интересно превращать площадку в проходной двор. Техника нынче дорогая, спрос на нее большой, а народ кругом ушлый, только зазеваешься – сразу уведут из-под самого носа. Да и с малолетними озорниками нынче совсем другой разговор. Не дай бог, с ними что-то случится на площадке – отвечать будет фирма, и отвечать по-крупному.

Охранники на входе свое дело знали и к Георгию, подкатившему к воротам на «Сузуки» под аккомпанемент группы «Deep Purple», сначала отнеслись недоверчиво. Однако тот воспринял это как должное, даже, наоборот, порадовался – это ж здорово, что ребята так хорошо несут службу. Показал документы, созвонился с диспетчерской… в смысле – с головным офисом, и все уладилось. Охранники даже показали место, где лучше всего оставить байк, – чуть в стороне от ворот, прямо за будкой, и напомнили первым делом надеть каску.

Зайдя на территорию, Георгий снова невольно отметил, что с далеких времен его детства стройка, по крайней мере московская, изменились в лучшую сторону. С виду все строительство выглядело опрятнее – высокий забор, современные благоустроенные бытовки в два этажа. Колеса выезжающих с площадки машин моют из шланга, чтобы не разносить грязь по округе. Ну и конечно, продвинутая техника, всякие агрегаты, требующие специальных навыков и знаний, новые материалы, с которыми тоже нельзя иметь дело без подготовки. Нынешние строители и отделочники неспроста считаются элитой среди рабочих, особенно приезжих – они должны быть квалифицированными специалистами. Неумехам в этой области делать

нечего. Но и отдача соответственная. Всякое, конечно, бывает, но если в строительной компании есть какой-никакой порядок, то рабочим платят неплохо и вовремя, да и условия жизни получше, чем в других сферах, нуждающихся в труде приезжих, – уборке улиц, рынках, вредных производствах, общепите. Но именно что *получше*. Потому что для человека, привыкшего к комфорту городской квартиры, ванне и диванам с креслами, работа на улице при любой погоде и жизнь в передвижных домиках-вагончиках рядом с грохочущей стройкой реально очень тяжела. Хотя Георгия работа в подобных условиях совсем не смущала. На море бывало потрудней – и ничего, справлялся. В любом случае он знал: хочешь перемен – действуй! Если все время только ждать и надеяться, можно остаться ни с чем, а точнее, наедине с прожитой впустую жизнью.

Закинув голову, Георгий оглядел вонзившийся в небо серый остов. «Солидная посудина!» – отметил он про себя. Издали все это – высокий забор, каркас здания, шум работающих механизмов – и впрямь напоминало громоздкий корабль неведомо как очутившийся на суше. Георгий покачал головой: сколько же труда надо приложить, чтобы эта бетонная коробка стала уютным человеческим жилищем. И он должен провести этот бетонный корабль через все бури и мели, доставить в надежный порт и во всем параде пришвартоваться у причала.

Засмотревшись на здание, он чуть не угодил в яму, заполненную мутной водой. Хорошо, что его вовремя окликнул звонкий девичий голос:

– Ой, дядичко, так вы ж дивитеся себе пид ноги! Так ведь и утопнуть недовго!

Георгий чертыхнулся и отскочил от ямы.

– Что это вы тут такую грязь развели? – возмутился он, тут же включившись в роль начальника.

– Яка така грязь? – певуче откликнулась девушка. – Це ж стройка, а не бульвар, где парочки гуляють.

Георгий внимательнее пригляделся к своей собеседнице. Молодая, на вид вряд ли больше двадцати пяти. Невысокая, смуглая, с темно-карими лукавыми глазами и толстой косой. Бесформенная рабочая спецовка не могла скрыть, что фигурка у девушки хоть куда, несмотря на явно не модельный рост: стройная, гибкая, с соблазнительными формами. И двигается девчушка легко, не без врожденного изящества.

– А вы навіщо сюда пришли? Сюда посторонним нельзя! – поинтересовалась она, в свою очередь, разглядывая Георгия.

– Ничего, – усмехнулся тот, – мне можно. Я теперь тут у вас буду работать. Прорабом… – значительно добавил он, чем сильно удивил девушку.

– А як же Евгений Витальевич? – изумилась она.

– Сидоренко? Так его на другой участок перевели. Вы разве не знали?

– Та ни, не слыхала… – Она с любопытством таращилась на него большими черными глазищами.

– Зовут меня Георгий Владимирович, – представился он. – А тебя как звать-величать?

– Та Маричка… – зарделась девушка.

– Вот и хорошо, Маричка. Ну, а коли уж ты моя первая знакомая здесь, то покажи-ка мне, что и где у вас тут находится.

– Ой, та мне ж на склад надо, бригадир послав… – растерялась девушка.

– Ничего, с бригадиром я договорюсь. – Георгий решительно шагнул вперед.

Минут за десять, максимум – за четверть часа, они обошли всю территорию, осмотрели складские навесы, контейнеры и времянки, где прятались от осенних дождей отделочные материалы, оглядели расположившуюся там и сям самую разнообразную технику. Значительную часть территории занимали вагончики из крашенного синей краской оцинкованного профиля. В одних жили рабочие, другие были отведены для разных бытовых нужд: столовая, душевые, прачечная, сушильня, подсобки для хранения личных вещей. В одном из таких вагончиков,

стоявшем чуть в стороне от «городка» строителей, и находилась так называемая прорабская. Войдя туда, Георгий огляделся. Шаткий стол с телефоном, обмотанным изоляционной лентой, десяток разнокалиберных стульев, графики на обшитых вагонкой стенах, какие-то папки на грубых металлических стеллажах. Так вот он – капитанский мостик, откуда он будет командовать громоздким бетонным судном под названием «Неваляшка». О прозвище он узнал, разумеется, от Марички – девушка уже успела не раз ввернуть это словечко, рассказывая о стройке. На мгновение он растерялся – с чего же начинать? Может, зря он поторопился приехать сюда, не договорившись о встрече с прежним прорабом или хотя бы с кем-то, кто мог бы ввести его в курс дела? Ладно, опыт – дело наживное.

– Слушай, Маричка, а отведи-ка меня по бригадам. Хочу на людей посмотреть, с кем работать придется, с бригадирами познакомлюсь. В общем, узнаю, что за команда у меня на борту, да и команда пусть на меня посмотрит…

Вместе они прошлись по тем этажам высотки, где уже начались отделочные работы. Георгий внимательно приглядывался к тому, чем заняты строители, разговаривал с бригадирами, знакомился с народом. Его самолюбию льстило, что, завидев его рослую, внушительную фигуру и услыхав тренированный командный голос, люди невольно подтягивались и глядели уважительно. Это хорошо, дисциплина на борту – важная вещь. Да и произвести должное первое впечатление очень важно.

Как убедился Георгий, публика на стройке подобралась разная. Разумеется, в подавляющем большинстве «гости из ближнего зарубежья», люди, чьи родители (а иногда и они сами) еще помнили то время, когда все жили в одной большой стране, считали себя единым народом и в массе своей вообще не обращали внимания на то, что их сосед имеет другую национальность. И вдруг как-то резко все стало по-другому. Но Георгия это не волновало, он привык работать с представителями самых разных национальностей. В наше время почти на любом корабле команда разношерстная – чем больше численность экипажа, тем больше наций представлено. Так что Георгий понимал, что сложность в этом вопросе только одна – не путать одну национальность с другой. Потому что некоторые люди даже молдаван от украинцев отличить не могут, не говоря уж о том, чтобы увидеть разницу между таджиком, узбеком, киргизом или казахом. А у него в этом деле опыт был большой. Ему доводилось общаться и с европейцами, и с американцами, и с австралийцами, так что он в большинстве случаев мог определить, откуда родом его собеседник, для которого английский язык родной, – из Англии, из Штатов или из Австралии. Но с ними он встречался больше в портах, а в рейсы чаще ходил с азиатами. И каждый раз, отправляясь в рейс, он давал установку команде не путать китайцев, филиппинцев, малайцев, вьетнамцев, корейцев, тайцев, индонезийцев… Так спокойнее, национальная гордость – дело тонкое. И уж тем более не допускал он никаких, даже мельчайших, намеков на шовинизм. Георгий был твердо убежден: никогда не надо говорить человеку, что он в чем-то не такой, как все, слабый или неправильный. Он ведь может поверить, и это сломает ему жизнь. Лучше всегда говорить про всех только хорошее. Плохого вокруг и так достаточно.

Обход «дозором своих владений» Георгий закончил уже к вечеру. Темнело, работа на всех участках сворачивалась, строители расходились по бытовкам. Выйдя на площадку, новый прораб оглянулся по сторонам в поисках Марички – увлекшись, он забыл даже поблагодарить свою провожатую за экскурсию по стройке. Но девушки нигде не было видно, наверное, уже куда-то убежала.

Глава четвертая
Девушка из Закарпатья

Конечно, Маричка убежала. Ей действительно некогда было разговаривать разговоры после работы. Сегодня они с подружкой Зухрой дежурные по кухне, нужно скорее приготовить ужин.

Днем рабочие в основном питались в столовой через дорогу, там было вкусно и недорого, но вечерами многие, преимущественно женщины, готовили что-то и сами. Для этой цели, под кухню и столовую, на стройке была отведена специальная бытовка, и Маричка и ее соседки по вагончику охотно ею пользовались. Скидывались деньгами, по очереди стряпали ужин на всех и дружно ели за общим столом. Почти как одна семья.

Это только при взгляде со стороны стройка довольно однообразное зрелище. Ну, бетонная коробка, ну, копошатся люди, стрекочут или ревут механизмы, вздымаются клубы пыли. Кажется, проходит день за днем, а здесь ничего не меняется. И люди в этом мирке походят на безликих муравьев, выполняющих скучную механическую работу.

Но так кажется только по незнанию. На самом деле стройка – живой организм, существующий по своим неписаным законам. Что-то вроде военного лагеря, средневекового монастыря, индийского ашрама, крепости на горе. И верно, стройка во многом похожа на крепость. Забор по периметру, вышка-здание и, разумеется, гарнизон, который все это укрепляет, охраняет, движет к завершению. Это потом, когда сдадут объект и заселятся жильцы, крепость станет самым обычным городским домом, сольется с другими зданиями на улице, утратит свою обособленность и таинственность, станет обычной деталью городского пейзажа. Но пока «Неваляшка» была и оставалась своеобразным островом среди обычных городских кварталов. И населяли этот остров самые разные люди. Посмотреть – так то ли вавилонская башня, то ли самый настоящий интернационал, мечта революционеров начала двадцатого века. Тут и непременные таджики, и молдаване, и украинцы, и целый спектр представителей кавказских и закавказских народов, несколько бурят, калмыков, татар, не говоря уж о русских. В общем, этакий Ноев ковчег, особенно если принять во внимание собак и кошек, традиционно обитающих в подобных местах. И все обитатели этого острова, или, если угодно, ковчега, находились в сложных и самых разных отношениях между собой. У каждого своя история, своя судьба, кто-то враждует, кто-то дружит, а кто-то в кого-то влюблен…

Примерно такие мысли проносились в голове у Марички, пока она поспешно нарезала лук и морковку для щей. Вскоре к ней присоединилась подружка Зухра, которая бегала после смены отправлять деньги домой, в Душанбе, и в четыре руки дело пошло веселее. За готовкой девушки болтали, не замолкая – обсуждали нового прораба. Доброй Маричке Георгий Владимирович сразу пришелся по душе, а рассудительная Зухра хоть и признавала, что как мужчина их новый начальник очень даже ничего, но опасалась, не будет ли он слишком строгим. Взгляд уж больно у него суровый, при таком шефе точно не расслабишься. Как начнет гайки закручивать – только держись…

– Ничего, авось сробимся, – улыбалась Маричка. Но в глубине души и у нее поселилась легкая тревога. Очень уж не хотелось ей потерять это место, имелись у девушки причины держаться за него. Как минимум две очень веские причины.

Первой причиной была семья. Маричка была родом из небольшого села под Ужгородом, в Закарпатье – удивительном по красоте крае, славящемся своими древними памятниками, минеральной водой, виноградом, аистами и *дуже гарными жинками да девчатами*.

Закарпатье – совершенно особенное место, со своим укладом жизни, со своими обрядами и неповторимым колоритом. Вроде бы и Украина, да не совсем, оно и советским-то стало

позже, чем остальная часть страны, только после окончания Великой Отечественной войны. А до этого побывало и частью Чехословакии, и частью Венгрии, и самостоятельным государством. Там, на небольшой сравнительно территории, бок о бок проживает два десятка разных национальностей, и говорят там хоть и по-украински, но на особом западном, «западенском» диалекте, отличающемся удивительным смешением польских, молдавских, венгерских, еврейских выражений. Русский язык там тоже все знают, да и не только русский. Чуть ли не любой продавец на базаре легко может объясниться на полудюжине языков – с каждым покупателем на его родном наречии.

Есть в украинском языке слово «чемність», означающее и вежливость, и честь. Не всем эта чемність присуща, но всем известна ее ценность. А жителям Закарпатья – особенно. После перестройки этому краю пришлось особенно нелегко. Целебные источники пришли в запустение, санатории, которые никто больше не посещал, быстро превратились в руины, леса распродали и вырубили. Земля оголилась – и началась экологическая катастрофа. Стихия разбушевалась, ничем не сдерживаемые горные потоки размыли почву, участившиеся наводнения погубили прибрежные села. Людям с тех пор стало очень трудно жить, а в последнее время – особенно, потому что совсем не было никакой работы. Но каждый человек, побывавший в карпатских горах, в тамошних селах, знает – чемність здесь не утрачена. Местное население хоть и обнищало, но с гостем могло поделиться последним. Пусть даже если гость этот зашел на подворье всего на минуту, дорогу спросить. Усмехнутся, услышав русскую речь: «От, москалику…» – даже если «москалик» этот приехал из Киева, – но без помощи не оставят, подскажут, направят, пособят, чем могут, еще и гостинцев в дорогу дадут.

Но в селах, при огородах, теперь остались одни старики да дети, остальных безработица выгнала из родных краев. Чуть не все молодые, сильные, предприимчивые подались на заработки – кто куда. Не миновала эта судьба и Маричку.

В своей семье она была старшей. А еще – три младших сестры да два брата. Их отец вечно пропадал на заработках, мать вся извелась в хлопотах по хозяйству, была вечно усталой и раздражительной. Чуть что – первой доставалось Маричке, она же старшая. Маричка, поистине безответная душа, не огрызалась – не принято в украинской глубинке грубить родителям. «Мамо, не сердьтеся, – только и могла сказать. – От приїде батько, вам буде легше…» Впрочем, и у самой Марички жизнь была не слаще, чем у ее матери, хлопот хватало на целый день. Утром вставала до свету, младших в школу собирала, завтраком кормила, днем помогала всем уроки делать, убирала за ними, одежду и даже обувь им чинила. Каждый вечер, после того, как воды для мытья натаскает, согреет, проследит, чтобы все помылись, уложит да книжку на ночь почитает, Маричка буквально с ног валилась от усталости. А засыпала каждый раз с надеждой: ну, может, хоть завтра мать похвалит, приласкает, скажет хотя бы одно доброе слово? Но мать хвалила старшую только за глаза. Только соседкам-кумушкам рассказывала, какую славную дочку вырастила – заботливую, послушную, работящую. Вот будущему мужу Марички повезет! А самой девушке редко перепадало материнской ласки. Наверно, мать чувствовала, что недолго дочке жить в родном доме, значит, и баловать ее незачем. Так она крепче будет, станет более сильной да стойкой.

А потом, когда Маричке было четырнадцать, в семью пришла страшная весть – отец домой не вернется. Нет, он не сбежал к другой бабе, подальше от своего шумного семейства, не спился, не погиб в драке и не сгинул без вести. Бродяжья доля занесла его в Испанию, где он работал на сборе апельсинов, и там он внезапно заболел гриппом. Казалось бы – грипп обычный, безделица, им каждый болеет по паре раз в год, и ничего… Но отцу Марички не повезло. То ли он вирус какой-то особый подхватил, то ли осложнения начались, но, так или иначе, сильный и не старый еще мужчина умер всего за одну ночь – сердце не выдержало. Мать чуть с ума не сошла от горя и от безысходности, Маричка, как могла, старалась поддержать и утешить ее – но разве есть в мире средство утешить человека в подобной беде?

Свое горе Маричка прятала подальше от людских глаз, но в глубине души страдала никак не меньше матери. Она понимала – все, кончилось ее хоть и далеко не беззаботное, но все же детство. Надо думать, как жить дальше, как помочь семье. До этого она мечтала об институте, хотела выучиться на учительницу… Но какой теперь институт?! Теперь надо получать специальность, которая может прокормить. И как можно скорее. Пришлось ехать в райцентр, поступать в строительный техникум, благо он там был. Маричка училась, а вечерами и в выходные подрабатывала, где только можно. Ни от чего не отказывалась – и уборщицей в больнице была, и посуду мыла в придорожном кафе, и на базаре в мороз торговала. Вот только предложения торговать собой, какие делали многим ее землячкам, отвергала категорически.

После окончания техникума Маричка подалась в Польшу. Тогда с этим еще было просто, пересечь границу пара пустяков: показываешь на таможне банковскую карточку или три стодолларовые купюры – и проезжай, верят, что ты не нищий. А как стала Польша великоважной европейской страной, далеко не всех работников стала к себе пускать – как-никак Шенгенская зона. Перед такими, как Маричка, двери в первую очередь и захлопнулись.

Однако Маричка унывать не привыкла, она была благодарна судьбе и за то, что имела. За пару лет пребывания в Польше она успела поработать рядом с настоящими мастерами и времени даром не теряла – постоянно наблюдала за ними, перенимала приемы, всегда просила объяснить, показать, научить. К двадцати годам уже стала неплохим специалистом, ее заметили и позвали в бригаду, работавшую в Москве. Россия – не Польша, она всех своих братьев, соседей из бывшего «Союза нерушимого» к себе впускает. Со временем даже регистрацию в трехдневный срок, обязательную для гостей Москвы, отменили, разрешили спокойно работать по три месяца. Потом, правда, надо съездить на родину, хоть на день, да съездить, потому как обратно в Москву вернуться можно только с новой миграционной картой.

Маричку-то это правило даже устраивало. Не будь его, она так бы и работала без перерыва из года в год, берегла бы зарплату – а так есть повод раз в сезон обязательно домой выбраться, повидать маму да на удивление быстро подрастающих братьев и сестер. Однако у многих коллег Марички ситуация была куда сложнее. Особенно трудно пришлось строителям из Средней Азии – для них условия пребывания в России были немного строже. Но таджикские, казахские, узбекские ребята быстро сориентировались и тоже стали пользоваться таможенной лазейкой. Раз в три месяца они приезжали в Украину и в тот же день возвращались обратно, с волшебной миграционной картой, которая уравнивала их в правах с украинцами. А что делать? Домато работы нет. Так что не зевай, ищи выходы, вертись, как можешь, тогда и сам проживешь, и родным деньги будешь высылать. Волей-неволей приходилось терпеть унижения, постигать всякие бюрократические премудрости, учить язык, заполнять такие хитрые, на неискушенный взгляд, бумаги.

Сколько этих анкет, карточек, бумаг добрая Маричка заполнила своим собратьям по кочевой жизни за то время, когда моталась в плацкартных вагонах то на родину, то на заработки! Сколько дельных советов дала, скольким премудростям московской жизни обучила… Азиаты русский язык знали совсем плохо, Маричка – немного лучше. Даже у молдаван, особенно молодых, возникали трудности с кириллицей – одна надежда на отзывчивых попутчиков. Маричка охотно шла им навстречу, помогала, заполняла заодно со своей карточкой еще десяток других, со всего вагона. Как привыкла быть старшей сестрой, так и несла эту привычку по жизни, не жалуясь и не раздражаясь.

Неудивительно, что на стройке «Неваляшки», куда девушка попала вместе со своей бригадой, все ее знали и любили: веселая, отзывчивая, мастерица на все руки. Все женщины и девушки хотели жить в бытовке с такой соседкой, а все мужчины мечтали хоть иногда попасть к ним на обед. Маричкина стряпня славилась на всю стройку. Тут уж исключений не было – и русские, и молдаване, и даже азиаты с кавказцами, не говоря уж о земляках-украинцах, были горячими поклонниками горячего Маричкиного борща.

Да и не только борща. Веселая стройная девушка нравилась многим и вниманием совсем не была обделена, тем более что коллектив на стройке, как это чаще всего и случается, по преимуществу был мужской. В основном молодые горячие парни, остро нуждавшиеся в женском обществе. Но отзывчивая и заботливая во всем остальном Маричка в этом вопросе казалась неприступной крепостью. Улыбалась всем, со всеми была ласкова и приветлива, но близко к себе никого не допускала. Причем делала это так умело и тонко, что даже самые нахальные ухажеры быстро понимали, что им ничего не светит, но, как ни странно, на девушку не обижались и продолжали к ней хорошо относиться, правда, теперь уже относились как к сестре.

Соседки по вагончику не то чтобы осуждали Маричку, но никак не могли понять причины такой строгости в поведении. Добро бы жених где-то далеко имелся – так ведь нет, не было у Марички никакого жениха ни в родном селе, ни где-то в чужом краю, как она, на заработках.

– Тебе ведь двадцать пятый год уже, – качала черноволосой головой подруга Зухра. – Я в этом возрасте уже восемь лет как замужем была, детей рожала. И тебе пора о семье подумать. А то годы-то идут… С такой работой, как у нас, долго молодой-красивой не будешь. Не заметишь, как время пролетит – и станешь никому не нужна. А пока – вон сколько парней за тобой ходит. И Надир, и Павел, и Василь, бетонщик… Уж Василь точно хорошим мужем будет. Зарабатывает прилично, пьет мало, на тебя не наглядится…

Но Маричка только грустно улыбалась в ответ.

– Что ты, Зухра, о якой семье речь? С нашей-то работой! Сегодня здесь, завтра там, хаты своей нет… В бытовке, что ли, семьей жить?

– И в бытовках живут, – возражала Зухра.

– Та знаю я… Только разве ж это жизнь, разве нормальна семья? Я вот деток очень хочу… А яки ж детки в бытовке? Нет, поки на ноги не встану, о семье и думати нечего!

Вроде бы доводы Марички выглядели очень убедительно… Но на самом деле только сама девушка знала, что все это – лишь отговорки, попытка убедить других, а может быть и саму себя, почему она до сих пор одна. А на самом деле… На самом деле у Марички имелась еще одна причина дорожить рабочим местом именно на стройке «Неваляшки». Причина эта была родом из Лаганского района Калмыкии и звалась Адъяном Джиргаловым.

На Адъяна Маричка обратила внимание почти сразу же после того, как впервые встретилась с ним на стройке, он показался ей симпатичным и интересным человеком. Ему было полегче, чем остальным – все-таки калмык, россиянин, меньше хлопот, меньше всякой бумажной волокиты, да и проверяющие к нему куда как снисходительнее, чем к зарубежным мигрантам. Но судьба заставила и его покинуть родные степи и отправиться на поиски счастья далеко на север. Дома работы было мало, пусть даже для такого хорошего специалиста, как Адъян. Он был сварщиком и варил просто отлично – настоящий мастер в своем деле. Да и не только в своем. Адъян никогда ни от какой работы не отказывался, помогал везде, где нужно. Надо леса крепить – он уже наверху, надо машину разгрузить – разгрузит. А попросит кто-то из женщин-маляров стремянку подержать, пока она наличники красит, – оставит все свои дела, подойдет и подержит. И женщина хоть на эти несколько минут узнает, что такое чувство защищенности, что значит быть в надежных руках.

Маричка нет-нет да и посматривала украдкой на Адъяна. Двадцать девять лет, среднего роста, складный, внешне, по ее мнению, очень привлекательный, даже красивый загадочной восточной красотой. Этой таинственной непроницаемостью, как у спокойной водной глади, под которой ни за что не угадаешь, что кроется – то ли глубина, чистота и покой, то ли омут с чертями. За века существования бок о бок с азиатами славяне так и не научились разгадывать тайны, скрытые в их непроницаемых раскосых глазах, хотя все-таки чувствовали и понимали своих восточных соседей гораздо лучше, чем жителей Западной Европы или обеих Америк. И Восток отвечал им взаимностью. Вообще-то, азиаты – расисты почище европейцев, но все

же многие из них вступают в брак со славянами. И у них это не считалось нарушением вековых традиций. Во всяком случае, именно так думала Маричка.

Первое время, глядя на Адъяна, она позволяла себе порассуждать лишь о том, каким прекрасным мужем он станет для кого-то из своих соотечественниц. Какой-нибудь из тех восточных смиренниц, что внешне так скромны и покорны, носят только закрытую одежду, ходят, опустив глаза, разговаривают тихо, почти вполголоса… Но вот только попробуй задень их, разозли чем-нибудь – и они покажут все, на что способен Восток. По сравнению с гневом восточной женщины мировые войны покажутся отдыхом на морском курорте. Только такому парню, как Адъян, спокойному, как скала, по силам укротить разъяренную восточную тигрицу…

Но чем больше они общались с Адъяном, чем чаще, будто случайно, встречались их взгляды, тем активнее Маричку стали посещать мысли и сомнения насчет него. Собственно, почему она так безоговорочно решила, что Адъян женится непременно только на землячке? Мало, что ли, в стране примеров межнациональных браков? Да такой парень просто находка для любой девушки, кем бы она ни была… И невольно она начинала примерять роль невесты на себя. Могла бы она влюбиться в такого парня, как Адъян? Взять и утонуть в его черных непроницаемых глазах? А выйти за него замуж? Для такой девушки, как Маричка, понятия «любовь» и «замужество» были взаимосвязаны и почти неразрывны.

Смогли бы они жить вместе, стать одной семьей? Ведь она, Маричка, совсем не знает калмыцкого уклада, их традиций, обычаев, привычек. Вдруг она не сможет подстроиться под них? Да и захочет ли Адъян взять в жены украинку? На всех стройках, где довелось поработать Маричке, очень популярен был анекдот про мужа-узбека и жену-хохлушку, у которой «руки в боки и плевать, на каком ухе у него тюбетейка». Но смех смехом, а вдруг Адъян недоверчиво относится к женщинам ее национальности? Тем более что она еще и из Закарпатья. В Карпатах крепостного строя сроду не было, люди там, может, и нищие, но гордые и независимые, такими не покомандуешь и легко не подчинишь. Таковы мужчины, таковы и женщины. Хотя внешне-то они спокойны и покладисты, но про таких говорят «себе на уме». По ее, Маричкиному, мнению, это скорее хорошо, чем плохо, но кто знает, вдруг Адъян считает иначе?

И вот еще вопрос: как приняла бы Маричкина родня ее азиатского мужа? Что сказала бы мать, увидев скуластых узкоглазых внуков? Собственно, насчет мамы Маричка не очень волновалась, та много раз говорила ей, что примет любого мужа старшей дочки, лишь бы человек оказался хороший, честный, работящий. Адъян именно таким и был. Но одна его особенность точно насторожила бы родню и соседей Марички. Первое, чем встретили бы ее жениха в родном селе, – горилка, а Адъян не пил. Этот невозмутимый калмыцкий парень вообще не употреблял спиртного. И в конце рабочего дня не снимал напряжение пивом, и в выходные или в праздники наотрез отказывался от водки. Сначала на стройке решили, что он мусульманин. Причем правоверный. Мусульмане ведь тоже разные бывают. Кто-то строго придерживается традиций, а кто-то и весьма не прочь согрешить, только шутит: «Ничего, сейчас темно, мы под крышей, Аллах спит, не видит!» Но от мусульман Адъян держался особняком, в праздниках их не участвовал, и сосиски ел, и салом не брезговал – а ведь все знают, что мусульмане свинину не едят. Значит, не мусульманин. Тогда почему же не пьет?

Со временем Маричка узнала, что не пьет Адъян не из религиозных соображений, а просто потому, что не одобряет пьянства. Хотя другие его единоверцы к алкоголю относятся спокойно. Адъян был буддист, в Калмыкии все буддисты. Он сам ей рассказал об этом, когда случилось вместе работать в холле первого этажа.

К тому времени Маричка уже призналась себе, что ей очень нравится этот сдержанный, серьезный парень. Да и он сам норовил почаще бывать рядом с ней. Тут ничего объяснять не надо, когда людей неудержимо тянет друг к другу, то всегда подворачивается возможность побыть вместе. Тем более в таком обособленном мирке, как стройка. Во время работы они

постоянно пересекались, а в свободное время Маричка старалась зазвать Адъяна с ними на ужин. Мужчины ведь они такие, сами готовить не любят, если в столовую не идут, то питаются кое-как, все больше хлеб жуют да сухую лапшу кипятком разводят. Разве ж это еда! Но Адъян редко принимал ее приглашения – стеснялся. Маричка не знала, что придумать, но ей помогла Диля, соседка по бытовке, предложила Адъяну заодно с Мишей, ее парнем, скидываться в общую казну на еду – чтобы питаться вместе уже «официально». На этот вариант Адъян охотно согласился (еще бы, все мужчины на стройке мечтали бы о таком!), а в благодарность помогал им на кухне и старался при любой возможности еще и принести что-нибудь вкусное к столу.

В общем, всем хороший парень, одна беда – буддист… Его вероисповедание огорчало Маричку. Как она скажет своей маме-христианке, что собирается замуж за буддиста? С тем, что ее избранник – калмык, мама еще согласится. Всплакнет, конечно, для порядку, но она и так бы всплакнула, даже если бы дочка выходила за самого что ни на есть щирого украинца. А с тем, что дочка будет жить с буддистом, никогда не смирится. Буддисты же в Бога не верят – как можно от этих людей ждать постоянства и порядочности? Христианин знает: будет поступать хорошо, Бог его благословит достойной жизнью, а после смерти пожалует в раю сытость, спокойствие и вечное блаженство. А будет грешить – начнутся неприятности, навалятся болезни, несчастья, а после смерти черти утащат душу грешника в ад. А у нехристей никаких таких правил в жизни нет.

Мама Марички, ставшая после отъезда и особенно кончины отца очень религиозной, неустанно повторяла детям эти нехитрые мысли. И Маричка считала, что тут все правильно и справедливо, хоть сама и не была такой уж ярой христианкой, посты соблюдала нестрого и в церковь ходила редко, либо по большим праздникам, либо по зову души. Но союза с нехристем, да еще с представителем такой чудной веры, она побаивалась.

Вообще, у этих буддистов ничего не понятно. Маричка слушала рассуждения Адъяна и недоумевала. Как можно не верить в Бога? Это же так естественно – осознавать, что есть Бог, он, конечно, строг, но ведь и справедлив, и милосерден. Он каждому воздаст по заслугам, но раскаявшихся грешников обязательно простит. Бог, который видит и сочувствует твоим мукам и тяготам, утрет каждую слезу… Но Адъян тем не менее не верил. А верил во что-то совершенно нелепое, в какое-то перерождение души… По его мнению, каждая душа после смерти не отправлялась в рай или ад, а оставалась на Земле, вселяясь в другого человека, животное и даже деревья и камни.

Не переставая работать, Адъян неспешно рассказывал о своей вере. Говорил, что согласно буддизму нелепо и даже опасно тратить свои душевные силы на мелкие дрязги, ссоры, житейские подлости. Надо быть выше этого, уметь спокойно относиться к неприятностям и никогда никому не делать зла. С последним Маричка была вполне согласна, она и сама считала так же, но вот когда разговор вернулся к тому, что никакого Бога нет, она не удержалась, начала возражать Адъяну… Но тот не стал с ней спорить, только усмехался, а потом вдруг взял ее за руку, несильно сжал, и у Марички внезапно сладко замерло сердце.

После того разговора она впервые задумалась: а может, в этом буддизме что-то и хорошее есть? Ведь Адъян лучше многих из тех, что носят кресты на шее и при этом пьют, сквернословят, воруют, а то и вовсе людей убивают… А Адьян совсем не такой, он каждому готов делать добро.

Взять хотя бы ту же Чуню. Ведь многие поначалу хотели прогнать ее со стройки, чуть ли не издевались над несчастным ребенком. И только когда Адъян вступился за нее и пригрозил, что тот, кто обидит Чуню, будет иметь дело с ним, от девочки отстали. А потом и привыкли. Чуня осталась и сделалась такой же неотъемлемой частью стройки, как бытовки, разрисованный местными жителями забор или серый бетонный остов «Неваляшки».

Чуню Маричка сегодня целый день не видела, но не слишком беспокоилась. Знала – ужин девочка ни за что не пропустит, явится к нему вовремя, как штык.

Глава пятая
Дочь полка

Маричка была совершенно права – уж что-что, а еду Чуня не пропустила бы никогда. Она все время чувствовала себя голодной, даже в последние месяцы, когда женщины со стройки приютили ее, поселили в своей бытовке и стали кормить каждый день, и даже по нескольку раз. Это время, уже почти полгода, стало самым счастливым в жизни Чуни. Но девочка не расслаблялась, понимала – то, что ей однажды крупно повезло, совсем не значит, что так будет всегда. Пройдет еще год, может быть, даже меньше, стройка закончится, рабочие разъедутся кто куда, и ей, Чуне, придется возвращаться к прежней жизни. А это значит – снова вечно мерзнуть и голодать, спать где придется, прятаться от милиции и других опасных людей, лазить по помойкам и добывать себе пропитание милостыней и воровством.

Среднестатистический человек, как взрослый, так и ребенок после определенного возраста, хорошо представляет себе, кто он такой. Он знает, как его зовут и где он родился, помнит день своего рождения и сколько ему лет, и чаще всего для него совсем не тайна, кто его родители или, по крайней мере, мать. Чуня была исключением из этого правила. У нее не имелось даже представления, в каком городе она родилась, и был ли это вообще город, или деревня, или какой-нибудь поселок… Чуня не знала своего имени, помнила только фамилию – Попова. Так ее называли в детском доме, там всех звали только по фамилиям. Когда у нее день рождения, девочка тоже понятия не имела, и даже не была уверена в том, сколько ей лет. Вроде бы девять, но может быть, и десять. А может, пока еще только восемь.

Матери своей Чуня не помнила, отца – тем более. Впрочем, скорее всего, мать тоже не была в курсе, от кого именно она родила ребенка. Так что о своей семье Чуня твердо знала только одно: предкам своим она на фиг не нужна. Мать лишили родительских прав за алкоголизм, наркотики и аморальный образ жизни, когда девочке не было еще и двух лет – уж об этом Чуня была точно осведомлена. Всю информацию о своей семье воспитанники детских домов знали назубок, для них самое важное – знать, что мама все-таки есть. Какая бы ни была, как бы редко ни появлялась, главное – существует… Но выброшенной, как слепой котенок, в житейский водоворот Чуне судьба не дала даже этой соломинки. За те четыре с лишком года, которые она провела в детдоме, мать ни разу не дала о себе знать, не навестила ее, не прислала ни посылки, ни записки. И Чуня объясняла себе это тем, что матери, наверное, уже нет на свете. Ее образ почти не сохранился в памяти, так, что-то мутное, расплывчатое, на уровне ощущений.

Детский дом Чуня помнила более явственно, но старалась особенно не вспоминать. А если вспоминала, то с ужасом. Скудное обитание, неистребимый, какой-то больничный запах хлорки и капусты в коридорах, строгие окрики воспитательниц, издевательства старших ребят и постоянная волчья борьба за место под солнцем… О таких вещах лучше вообще не думать. Единственным светлым пятном в той жизни казалась девочка Маша, старше на шесть лет, которая относилась к Чуне чуть лучше, чем все остальные. За это Чуня была несказанно благодарна Маше, всюду ходила за ней хвостом, как верная собачка. Именно из-за Маши она и оказалась в Москве – подслушала, как та вместе с двумя другими старшими ребятами задумала бежать из детдома. Чуня увязалась за ними, и хотя троица отважных беглецов совсем не горела желанием тащить с собой малявку, им пришлось смириться: иначе поднялся бы шум, всех воротили бы назад и сурово наказали. Так что в столицу двинулись вчетвером – «на собаках». Маленькая Чуня сначала решила, что они и впрямь поедут верхом на больших псах, как ездят на лошадях в кино, но старшие, вдоволь поржав над ней, объяснили, что так говорят, когда едут, пересаживаясь с поезда на поезд.

Ехали они тогда долго, Чуне казалось, что очень долго. Может, потому, что очень уж ей хотелось тогда в Москву, прямо не терпелось туда попасть. Неизвестно с чего, но этот город представлялся тогда детдомовской девочке каким-то раем на земле, сказочным местом, где много еды и игрушек, где всегда тепло и где никто никогда не будет ее ругать, бить и измываться…

С самого начала поездка удалась. Все как-то получалось на удивление легко – и в детдоме не заметили, как они сбежали, махнув через забор, и по дороге никто к ним с вопросами не приставал, и погода стояла теплая, без дождей, всегда удавалось найти и где переночевать, и чем перекусить… Ребята расслабились и совсем перестали бояться, что их поймают. В одной из поздних вечерних электричек они оказались в вагоне совершенно одни и наслаждались свободой, ощущением, что могут делать все, что угодно, и им ничего за это не будет – с хохотом гонялись друг за другом по проходу, вставали ногами на сиденья, высовывались в окна – кто дальше, вспарывали ножом обивку, чтобы посмотреть, что там внутри… И вдруг, в тот момент, когда никто этого не ожидал, в вагон вошли два милиционера, очевидно, патрулировавших поезд. Завидев их, старшие ребята бросились в противоположный тамбур, милиционеры рванули за ними. А Чуня с испугу спряталась под скамейку, – и ее не заметили. Девочка пролежала, сжавшись в комочек, на грязном тряском полу до тех пор, пока тетенька не сказала по радио, что поезд прибыл на конечную станцию. Тогда Чуня вылезла из вагона, быстро, хоть и не очень ловко, спрыгнула с высокой платформы и помчалась, чуть прихрамывая, куда глаза глядят.

Тогда она еще не знала, что оказалась в Москве. Только удивилась, как же красиво и светло вокруг, несмотря на ночь, сколько горит окон и фонарей, и небо не черное, как у них, а какое-то сине-серое. Потом-то все это стало привычным – фонари, вывески, реклама, подсветка на зданиях, лампы в окнах, не гаснущие до утра. Но это стало именно потом – когда бродяжья жизнь уже захватила Чуню окончательно, и она свыклась с ней, научилась бороться и приспосабливаться, быть жестокой и злой, чтобы не подмяли, не затоптали, не загнали на самое дно.

А сначала ей было ой как нелегко! И наголодалась, и намерзлась, и бита была много раз, и менты ловили, хотели отправить в приемник. Но от ментов Чуня каждый раз ухитрялась сбегать, а тем, кто нападал на нее, научилась давать отпор, специально разжилась для этой цели длинным и острым кухонным ножом. Случалось ей ночевать и на голой земле или асфальте, под дождем, с бурчащим от голода пузом… Но все же она почти не жалела о том, что удрала из детдома, пусть там и крыша над головой и горячая еда. Нет, лучше шляться по улицам, голодать и постоянно прятаться, чем эти угрюмые казенные стены и вечный забор перед глазами, точно в тюряге. Здесь она, по крайней мере, на свободе и всегда может отбиться или убежать от того, кто старше и сильнее ее.

Когда жизнь полна невзгод и каждый пустяк составляет огромную проблему, учишься радоваться каждой малости. Те, кто живет в благоустроенных домах, даже не задумываются, насколько современный человек зависим от цивилизации, от бытовых удобств, которые кажутся чем-то естественным, само собой разумеющимся… До тех пор, пока они есть. Но когда ты лишен самого необходимого, когда тебе каждый день приходится бороться за свое существование, – любое, хоть малейшее, изменение в лучшую сторону воспринимается как подарок судьбы.

Так было и с Чуней, для которой любой пустяк мог стать настоящим праздником. Например, удалось пробраться в бесплатный туалет в парке, стащить обмылок и вымыть им голову под краном. Или нашлось безопасное теплое местечко для ночлега. Или около помойки обнаружился пакет с хорошей одеждой. Чуня давно знала, что многие люди, которым жаль выбрасывать ненужные, но еще целые и крепкие вещи, не кидают их в бак, а аккуратно кладут или вешают рядом. Тут главное, чтобы повезло успеть первой – а такая удача случается редко.

И Чуня каждый раз всей душой радовалась удаче. Несмотря на все тяготы судьбы, она ухитрялась оставаться человеком позитивным.

Очень быстро Чуня поняла, что в одиночку выжить во много раз сложнее, и начала прибиваться к тем или иным группкам таких же, как она, бездомных. Вскоре приобрела она и еще один опыт – хорошо, когда эта кучка состоит из людей постарше, а не только из детей и подростков. С этими лучше не связываться, у них в стае царит закон джунглей, и нарушение его карается жестоко, без всякой жалости. А взрослые – они разные бывают. Попадались, конечно, и те, кто норовил обидеть, унизить, отобрать с таким трудом добытый кусок. Но встречались и хорошие, добрые, которые тепло относились к ней, заступались, делились последним. Когда человек лишился всего, когда стал бесправным и полностью незащищенным, он либо делается озлобленным, либо тупеет и становится равнодушным ко всему, либо ищет того, кто еще слабее и несчастнее, чем он, чтобы на этом фоне чувствовать: «Я еще не окончательно скатился вниз, я еще что-то собой представляю». Как говорится, если тебе плохо или трудно, найди того, кому хуже и труднее, чем тебе, и помоги ему. Именно поэтому нищие и бездомные иногда кормят голубей или приручают собак. А не потому, что хотят их съесть. Хотя, конечно, бывает всякое…

С одной из маргинальных компаний Чуня прожила часть осени и всю зиму в заброшенном доме на окраине Жулебино. Но однажды в марте, уже поздно вечером, в дом залезла компания пьяных подростков. Завязалась драка, в ход пошли ножи, поднялся шум, кто-то позвал полицию. Для Чуни это был очень тревожный сигнал. Старшие-то ничем особенно не рисковали – а вот ей снова грозил приют – кошмар, все еще являвшийся ей в тяжелых снах…

Чуня рванула на себя фанеру, прикрывавшую разбитое окно, сиганула со второго этажа в сугроб и со всех ног помчалась прочь по улице. И остановилась только тогда, когда почувствовала, что вот-вот задохнется. Поразмыслив, она решила несколько дней не возвращаться в тот дом, перекантоваться пока в каком-нибудь другом месте. Побродила по городу, потыркалась туда-сюда, ухитрилась забраться на какую-то стройку (это и была стройка «Неваляшки», но она тогда об этом не знала) и обнаружила там подходящее местечко для сна – под вагончиком, где располагались душевые, прачечная и сушильня. Там, у горячих труб, было относительно тепло и сухо. Усталая девочка забралась под вагончик и проспала целый день, а ночью, когда работа на стройке утихла, вылезла и отправилась на разведку. Набрала обрывков утеплителя покрупнее, устроила себе на земле под бытовкой поистине царское ложе и снова отправилась изучать территорию. В открытом кухонном вагончике стоял кулер с холодной и горячей водой, а в мусорном баке рядом обнаружился почти целый зачерствевший батон. Чуня налила себе кипятка в пластиковый стаканчик, закусила хлебом и решила, что тут можно жить.

Пару дней она пряталась очень старательно и выбиралась из своего убежища только в темноте. На третий день попытала счастья, сделала вылазку днем – и все обошлось благополучно. А вот не четвертый она попалась. Очень уж хотелось пить, и Чуня решила, что если выждать момент, когда вокруг тихо, и быстренько метнуться туда-сюда, то ничего страшного… И налетела сразу на толпу работяг, их было человек шесть, а то и восемь. Убежать не вышло, дядьки в грязных форменных комбинезонах преградили ей путь и подняли шум, на который примчалась охрана и схватила ее. Так что не миновала бы Чуня в этот раз приемника, если б не один из строителей – молодой, круглолицый, узкоглазый. Он попросил остальных быть потише, а сам присел перед Чуней на корточки и стал расспрашивать: про родителей, где она живет и как попала на стройку.

– Да она бомжиха, не видишь, что ли? – шумели вокруг. – Делать тебе нечего, Адъян? Чего ты с ней разговариваешь?

Но узкоглазый Адъян был настойчив, и Чуне ничего не оставалось, как признаться, что никакого дома и никаких родителей у нее нет, она живет на улице и на стройку забралась погреться, потому что уж очень холодно спать на улице, и поискать хоть какой-нибудь еды.

А сейчас она уйдет, честно, уйдет, только, пожалуйста, дяденьки, не зовите ментов, не отдавайте ее им! Все, что хотите, для вас сделаю, только не к ментам! И Чуня заплакала, плакать, когда это нужно, она всегда хорошо умела, еще в приюте научилась.

Пока Чуня говорила, толпа вокруг нее росла. Подбежало и несколько женщин, и одна из них – молодая, невысокая, с черной косой – вдруг обняла Чуню, прижала к себе и начала гладить по голове. От этой неожиданной ласки Чуня разревелась уже совершенно по-настоящему. А у рабочих тем временем разгорелся из-за нее жаркий спор. На том, чтоб позвать ментов, к счастью, никто не настаивал, видно, совсем не жаждали обитатели стройки лишний раз встречаться с полицией. Но одни рабочие хотели прогнать Чуню взашей да и успокоиться, а другие ее жалели и предлагали сначала хотя бы накормить. Тут появился усатый дядька с грозным голосом, который, видимо, был у них самым главным, спросил, в чем дело, ему показали на Чуню и объяснили. И черноволосая девушка, которая все еще обнимала ее, сказала:

– Можно вона тут трохи поживе? У нас все одно место в бытовке пустуе. А ей совсем негде переночувати…

– Да ты что, Мария, с ума сошла, что ли? – заорал усатый дядька. – Как я могу ребенка на стройку пустить? Этого никак нельзя!

– А шо, на вулицю дитину можно вигнати? – всплеснула руками девушка.

А узкоглазый Адъян вышел вперед и стал говорить дядьке, что у них у многих есть дети, и каждый из этих детей может однажды лишиться родителей и крова. Неужели этот самый дядька хотел бы, чтоб с его детьми поступили так, как он хочет поступить с Чуней?

Усатый дядька послушал его, послушал, да и махнул рукой: «Делайте, что хотите! Только чтоб под ногами не путалась. А то случись с ней чего – мне ж отвечать». И тогда девушка с косой потребовала, чтобы Чуня дала слово, что к строящемуся зданию и близко не подойдет, дальше бытовок ни на шаг. Это Чуня легко пообещала. Ее, в отличие от благополучных домашних детей, сама стройка, с ее грязью и грохотом, не интересовала совсем. Ей бы только погреться да перекусить что-нибудь.

Так Чуня и поселилась на территории «Неваляшки» и впервые в жизни почувствовала себя счастливой. Еще бы, ведь теперь она спала не просто в тепле, а на настоящей кровати – на втором этаже нар над Маричкой. Отныне Чуня досыта ела целых три раза в день, да еще в любое время, когда хотела, пила чай, и даже с сахаром. А еще у нее появилась подруга, почти старшая сестра.

Первым делом Маричка ее накормила горячим вкуснейшим супом. И пока Чуня ела, объяснила все правила безопасного поведения на стройке и заставила повторить все, до последнего слова. А освободившись после смены, девушка отвела Чуню в душевую, заставила все с себя снять и как следует помыться. Увидев девочку без одежды, она всплеснула руками и воскликнула:

– Яка ж ти худа, дитятко! Як тот Чахлик Невмирущий!

Чуня так и покатилась со смеху. Это что еще за чахлик? Маричка объяснила, что так на ее родном украинском языке называется Кощей Бессмертный. Когда Чуня помылась, Маричка осмотрела ее волосы, порадовалась, что нет вшей, взяла ножницы и постригла девочку, да так хорошо, что та сама себя не узнала, увидев свое отражение в маленьком зеркале.

– Прям лучше, чем в парикмахерской! – восхитилась, вертясь перед зеркалом, Чуня. Умытая, с аккуратной короткой стрижкой, в Маричкином теплом сером свитере, который хоть и болтался на ней, но был чистым и нерваным, она напоминала благополучную *домашнюю* девочку, из тех, кого с такой завистью и болью всегда провожала взглядом на улице. – А парикмахерская по-вашему как будет?

– Перукарня, – отвечала Маричка. И Чуня вновь радостно захохотала: до чего же прикольный язык!

С тех пор у них появилась такая забава – девочка постоянно спрашивала старшую подругу об украинских словах.

– А остановка как по-вашему? – допытывался она.

– Зупинка.

– Не, это не прикольно… А носки как?

– Шкарпетки.

– Ха-ха-ха, шкарпетки… Я запомню. Я еще помню, что простыня – простирадло, пуговица – гудзик. Так смешно, прям не могу!

Эта лингвистическая игра и натолкнула Маричку на мысль, что с Чуней надо заниматься. Ведь девочка ни разу в жизни не была в школе, как же она будет жить, не зная грамоты? Услышав, что ее будут чему-то учить, Чуня сначала напряглась:

– Это еще зачем?

Но старшая подруга понятным и доступным языком объяснила ей, что учиться необходимо.

– Ты ж не хочешь всегда бути, як зараз? Хочешь стать великою, пойти працювати – работать. А як ты будешь працювати, якщо грамоты не разумеешь?

Чуня подумала и решила, что Маричка права. Она хочет жить по-другому, она всегда этого хотела, просто не представляла как. Надеялась, что обязательно что-то случится, и у нее все наладится, все станет как у всех нормальных людей, будет дом, семья… Как именно это произойдет, Чуня представляла себе весьма туманно. Но ведь произойдет же! А значит, надо и самой что-то для этого делать – стараться, тянуться, учиться.

Так что в свободное от работы время в бытовке нередко можно было видеть, как черноволосая голова Марички и Чунина белокурая всклокоченная головка склонились над тетрадкой.

– Ось, дивись – це плюс, пишеться, як хрестик, – журчал негромкий голос наставницы. Во время занятий с Чуней девушка увлекалась и полностью переходила на родной язык – как дома, когда помогала младшим братьям и сестрам делать уроки.

Не только Маричка, но и ее парень, узкоглазый Адъян (не по годам развитая девочка быстро смекнула, что у них любовь), опекали ее. Многие на стройке были добры к ней, как женщины, так и мужчины. Кто свой платок отдаст, кто конфеткой угостит, кто просто ласковое слово скажет. Были, конечно, и другие, кто ее просто не замечал или мог прикрикнуть – но обижать никто не решался. Поэтому Чуня так и забоялась, когда за тем ужином узнала от Марички и ее товарок, что у них новый прораб. Прораб – он ведь почти главный начальник на стройке. Вдруг окажется злой дядька, да и погонит ее прочь? А Чуне больше всего в жизни не хотелось покидать «Неваляшку», расставаться с Маричкой, Адъяном, Зухрой и всеми остальными. А если он, и того хуже, ментам ее сдаст?

Так что в первый же день выхода нового прораба на работу Чуня спряталась за углом бытовки и принялась внимательно его рассматривать. По виду дядька показался ей грозным и крутым – здоровый, громогласный, да еще не пешком пришел, а приехал на клевом байке. Несколько дней Чуня наблюдала за ним из засады, а потом все-таки прокололась и попалась ему на глаза. Прораб, конечно, поднял крик, почему, мол, ребенок на стройке, кто разрешил да как допустили, но, когда ему втолковали, что и как, неожиданно притих. А на другое утро, слезая со своего байка, осмотрелся, увидел, как Чуня выглядывает из своего укрытия, и поманил к себе. В руках у него была большая и красивая шоколадка.

Чуня так и застыла на месте. Вот оно что! Клинья подбивает, старый хрыч, трахнуть ее хочет… Девочка слишком хорошо знала, чем заканчивается доброта и щедрость больших дядек. Ей и Маричка не переставала об этом твердить, чтобы у незнакомых мужчин не брала ничего, не ходила с ними никуда, не слушала, что бы те ни говорили. В таких случаях Чуня для виду кивала, а в глубине души горько усмехалась – уж что-что, а такие вещи ей известны не

хуже, чем Маричке. Но шоколадки хотелось, и очень. Аж слюнки потекли, когда представила во рту сладкий вкус. А красивую обертку можно сохранить…

Дядька подождал-подождал, увидел, что она не подходит, и покачал головой.

– Ну, как знаешь…

Поставил свой байк, открыл багажник и показал Чуне шоколадку:

– Вот, смотри, сюда кладу.

И яркая обертка спряталась в багажнике, а дядька развернулся и, не оглядываясь, ушел в вагончик, где находилась прорабская.

Полдня Чуня, борясь с соблазном, ходила кругами вокруг байка. Но соблазн оказался сильнее. Улучив момент, когда никто не мог ее видеть, девочка молнией подлетела к мотоциклу, открыла багажник, взяла шоколадку и бросилась наутек. Ничего вкуснее Чуня еще ни разу в своей жизни не ела, во всяком случае, ей так казалось.

На следующий день дядька даже не стал искать ее взглядом, поставил свой байк и ушел в прорабскую. Но багажник при этом остался приоткрыт, а из-под крышки торчало что-то яркое… В этот раз внутренняя борьба у Чуни заняла уже меньше времени. Едва новый прораб скрылся из виду, девочка осторожно подошла поближе и обнаружила, что яркое – это полиэтиленовый пакетик. А чуть позже узнала, что лежат в нем два шоколадных батончика, пакетик сока и пачка печенья.

С тех пор этот ритуал повторялся почти каждое утро. В начале рабочего дня прораба Чуня таким вот оригинальным образом получала от него в подарок всякие вкусности и сладости. Особенно ей нравились «Киндер-сюрпризы», шоколадные яйца, внутри которых пряталась какая-нибудь игрушка. В куклы Чуня не играла, но любила украшать фигурками окрестности стройки. То гномиков в корнях растущего около бытовок дерева поселит – прямо волшебный вход в таинственное подземное царство, то с помощью сказочных персонажей выстроит на крыльце целую сценку и даже подобие декораций из подручных материалов соорудит. Бессознательно она создавала свой мир, свою маленькую вселенную, где всегда царили покой, добро и гармония – все, чего не хватало ей в ее бесприютной жизни.

О своих подозрениях насчет нехороших намерений дядьки Чуня вскоре забыла. Новый прораб никак их не проявлял, он и не искал девочку никогда, слишком был занят работой. И Чуня вздохнула с облегчением: его можно не бояться. Она успокоилась, но интереса к Георгию не потеряла, и даже наоборот – он вызывал в ней все больше и больше любопытства. Чуня тайком наблюдала за ним, изучала его и была очень довольна, когда самой первой на стройке узнала, что прораб *закрутил* с Мирославой.

Глава шестая
Шинкарка

Мирослава не входила в число рабочих на вешняковском объекте, но личностью на стройке была весьма популярной. Да, впрочем, и не только на стройке. Весь микрорайон знал владелицу популярного заведения под названием «Хата», которое утром и днем работало как столовая, а вечером, с семи и до полуночи, превращалось в бар.

Здесь было на удивление уютно. Обстановка напоминала малороссийский сельский дом-мазанку. Вроде бы все очень просто, без претензий и дорогостоящего дизайна – но довольно мило. Массивные деревянные столы без скатертей, вместо стульев – лавки, дверь в служебные помещения отделена от зала плетнем, украшенным искусственными подсолнухами и перевернутыми горшками, по неровно побеленным стенам развешаны яркие вышитые рушники, ниточные куклы-мотанки, венки из засушенных полевых цветов, всякая старинная утварь. Днем здесь было светло от ламп и незашторенных окон, вкусно пахло чесноком и свежей выпечкой, бывало хоть и людно, но относительно тихо, никакой музыки, только гул голосов разношерстной публики. В это время столовую посещали в основном серьезные люди, которые, как правило, работали где-то неподалеку и заходили в «Хату» позавтракать или пообедать, а заодно и отдохнуть в уютной, почти домашней обстановке. До семи тут царил сухой закон, бар был закрыт, и строгая Мирослава никогда никому не делала в этом плане поблажек. Зато к вечеру все менялось – бар открывался, кухня, наоборот, сворачивала свою работу, в зале воцарялся полумрак, а из-за спрятанных под фальшивыми балками динамиков звучала, порой даже орала громкая музыка, в основном отечественная попса. Вечером в баре-столовой были совсем другие посетители: собиралась окрестная молодежь из тех, кому не хватало денег на ночной клуб, начиналась гульба с криками и плясками, становилось шумно и весело, что, разумеется, не слишком нравилось жителям близлежащих домов.

Первое время, когда бар только заработал, на хозяйку посыпались жалобы от жителей соседних домов – за нарушение тишины, но Мирославе удалось решить все конфликты. Такой уж она была человек – ухитрялась ладить со всеми. Везде, во всех инстанциях, у нее были свои люди – и среди поставщиков, и среди проверяющих, и в управе. Она умела к каждому найти подход, знала, у кого какая семья, когда у кого день рождения, кто что любит, и как у кого зовут домашнего питомца – и не ленилась постоянно об этом помнить. Так ли уж трудно сделать человеку приятное? Похвалить новую прическу, спросить об успехах внука Ванечки в спортивной секции, вручить ко дню рождения пакет с разной провизией: «Это вам к праздничному столу!» или сопроводить регулярный конверт «бонусной» литровой банкой меда для заболевшей супруги: «С пасеки моего кума. Натуральный, никаких вредных добавок. Из чистой области, от Чернобыля далеко, не беспокойтесь! Пусть кушает да поправляется!» Накануне каждого праздника она закатывала ужин для избранных «нужных людей» и на славу угощала всех приглашенных своими коронными блюдами: борщом с жареным салом – шкварками, варениками с разнообразными начинками и тончайшими блинчиками – млинцами – со сметаной, такой жирной и густой, что ее приходилось резать ножом, как сливочное масло. А уж день рождения, свадьбу или юбилей любимой тещи Мирослава всегда готова была организовать у себя в «Хате» на самом высшем уровне.

Родом Мирослава была из Киева. Можно сказать, столичная штучка, и жизнь у нее должна была бы быть не в пример легче, чем у ее землячки Марички, выросшей в глубинке. Однако легкой судьбой Мирослава никак похвалиться не могла. В детстве она считала себя дурнушкой, чуть ли не самой некрасивой в классе – слишком высокая, выше всех мальчишек, нескладная, нос длинный, волосы жидкие… Тем сильнее было удивление подруг, когда она

первой из всей компании вышла замуж: очень рано, сразу после окончания школы, заявление подали еще до того, как невесте исполнилось восемнадцать. В то время Мирослава не сомневалась: с такой внешностью она не может позволить себе привередничать, выбирая спутника жизни, ломаться и капризничать. Будешь слишком разборчивой – так и останешься до конца жизни в девках. Время не стоит на месте, не успеешь оглянуться – тебе уже за тридцать, а ты одинока, как дерево в украинской степи.

Первое время Мирослава была уверена, что любит Тараса. Кроме того, ей очень нравилось, что у жениха своя двухкомнатная квартира в центре города, рядом с Андреевским спуском, что он крепко стоит на ногах, хорошо зарабатывает и не слишком увлекается спиртным. Однако со стороны мужа, как она быстро поняла, никакой особой любви не было. Просто Тараса устраивала молодость и покладистость невесты, а также ее будущая профессия – Мирослава училась на повара в пищевом техникуме.

Отгуляли по всем правилам и традициям шумную трехдневную свадьбу, с арендой огромного ресторана, морем горилки и приглашением всей родни со всех городов и весей. На четвертый день, когда подарки были разобраны и деньги в конвертах подсчитаны, начались обычные семейные будни. Муж был старше Мирославы на целых двадцать два года. Человек взрослый, со своими устоявшимися привычками и довольно тяжелым характером, он требовал, чтобы в доме была безупречная чистота и порядок. И чтобы жена каждое утро неукоснительно кормила его свеженьким, только что приготовленным завтраком. Из-за этого Мирославе приходилось вставать на час раньше, чем муж, чтобы успеть и самой в техникум собраться, и Тарасу еду подать. А после занятий, когда девчонки шли гулять, в кино, в кафе или по магазинам, Мирослава, как ни хотела бы отправиться с ними, вынуждена была спешить домой. Тарас приходил в половине седьмого, ну, разве что с друзьями иногда задерживался, пиво пил – святая мужская вольница. А жене его к этому времени нужно успеть и продуктов купить, и в квартире прибраться, и ужин приготовить, да из трех блюд, и чтобы было вкусно. Не дай бог, мужу не понравится – голос повышать он не будет, но таким холодом обдаст, что даже непонятно станет – то ли Мирослава ему жена, то ли прислуга, которую он нанял и строго следит, чтобы она зарплату добросовестно отрабатывала. Готовить Мирославе всегда нравилось, она с самого детства постоянно крутилась на кухне, помогала бабушке, по праву считавшейся настоящей мастерицей и знатоком украинской кухни, училась у бабули, записывала рецепты в толстую тетрадь. Мирослава и в пищевой техникум пошла именно потому, что чувствовала – это ее призвание. Но даже при такой любви к кулинарии, когда вся буквально жизнь сводится к одной только готовке, планированию меню, покупке продуктов и мытью посуды, можно сойти с ума.

Иногда Мирослава не выдерживала, срывалась. Гремела кастрюлями, кричала на мужа, плакала, жаловалась. Вон в других семьях все как-то по-людски: в выходные вместе сходили на базар, закупились всем, чем нужно, жена приготовила – и неделю борщ, каша, котлеты в холодильнике стоят. И ничего, разогревают, едят, не привередничают, понимают, что если в семье все работают, то все и отдыхать должны. А Тарас нехорошо поступает, просто-напросто бессовестно эксплуатирует молодую жену. Она целый день на кухне да по хозяйству крутится, ей и позаниматься-то некогда, к экзаменам подготовиться. А ей, между прочим, после учебы или практики тоже развеяться хочется – телевизор посмотреть, с подругами поболтать, сходить куда-нибудь.

Муж выслушивал ее молча, но с нескрываемой гадливостью, с которой нормальные люди слушают бред душевнобольных. А потом, когда Мирослава, устав «качать права», умолкала, терпеливо объяснял ей, что не он к ней в дом пришел, а она к нему. Что он старше, и она должна его уважать. И вообще, учеба – это не работа, это несерьезно. Тоже великий труд – за партой сидеть. А его работа (он был начальником отдела в фирме, торговавшей бытовой техникой) – безусловно, самое важное, именно на нем, мужчине, лежит ответственность за благополучие семьи. Если он как следует не отдохнет, вернувшись домой, то на следующий

день будет работать хуже. И тогда ему не только повышения не дадут, а и вообще уволят. И что она за жена такая, что не понимает интересов семьи, а только о себе и думает.

Его доводы были прямо-таки железными – Мирослава не могла найти достойных возражений, хоть и чувствовала в чем-то подвох. И уговаривала себя: ну ничего, вот окончу техникум, пойду работать – тогда все станет по-другому. Но годы учебы минули, а в их семье ничего не изменилось. Тарас зарабатывал неплохо – но все же не настолько хорошо, чтобы жена могла совсем не работать. Без этого они бы с голода, конечно, не умерли, были бы и одеты, и обуты, но купить запросто, не откладывая несколько месяцев, новый холодильник или отдыхать каждое лето в крымском пансионате, точно не смогли бы. Так что Мирослава устроилась поваром в кафе неподалеку от дома и работала теперь с утра и до вечера – но семейных забот у нее при этом нисколько не убавилось. И тогда у нее опустились руки, навалилось отчаяние, в голову полезли неприятные мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.